

РЕЙЧЕЛ
КЕЙН
КЭРРИ РАЙАН

СЕРИЯ-БЕСТСЕЛЛЕР *WALL STREET JOURNAL*,
USA TODAY И *AMAZON CHARTS*

ЭХО
МЕРТВОГО
ОЗЕРА

Мертвое озеро. Бестселлер Amazon

Рейчел Кейн

Эхо Мертвого озера

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кейн Р.

Эхо Мертвого озера / Р. Кейн — «Эксмо», 2022 — (Мертвое озеро. Бестселлер Amazon)

ISBN 978-5-04-192040-1

Она ждет беды отовсюду. Но такое зло сложно представить даже ей... Зловещее прошлое буквально преследует частного детектива Гвен Проктор. Но и ее настоящее не менее кошмарно. После кровавого инцидента в школе сын Гвен и остальные члены семьи в очередной раз становятся добычей СМИ. Чтобы уберечь близких, Гвен решает ехать в Северную Каролину, где ей предложили дело: найти пропавшую девушку. В последний раз Джульетту Ларсон видели садящейся в машину к явно знакомому ей парню. Но больше никто про него ничего не знает. Гвен как никто умеет искать пропавших, когда ситуация безнадежна, – однако на этот раз и она бессильна. Любая зацепка лишь порождает новые вопросы. Проктор еще не знает, что обрела врага, которого почти невозможно вычислить. И что теперь ужас вернется в ее дом на Мертвом озере... Рейчел Кейн начала этот роман, уже зная о своей смертельной болезни. Ей не суждено было закончить его. Однако серию «Мертвое озеро», важную для Кейн и как для человека, и как для писателя, продолжила ее талантливая подруга, тоже автор бестселлеров New York Times.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-192040-1

© Кейн Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
1	10
2	22
3	27
4	35
5	44
6	49
7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рейчел Кейн, Кэрри Райан

Эхо Мертвого озера

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается Рокс¹. Не выразить словами, как нам тебя не хватает...

¹ Настоящее имя Рейчел Кейн – Роксана Лонгстрит Конрад.

Пролог

Есть вещи, не предназначенные для дневного света, и Угрюмая хибара – одна из них. Это местечко как раз для того, что лучше делать в темноте: бухнуть, перепахнуться и все остальное, чего не одобряют предки. Старый заброшенный загородный дом спрятался глубоко в лесу, и на поляне вокруг него можно устраивать бурные вечеринки, не боясь, что тебя застукают.

Джульетта бывала здесь несколько раз. Ребят помладше туда обычно не звали, но к девчонкам это не относилось. Особенно к таким, как Джульетта и ее подруги, Мэнди и Уилла, которые выглядели старше своих лет. На вечеринках всегда было весело – горели костры, в открытые окна машин ревели автомагнитолы, но Джульетте всегда было как-то не по себе. Дом вызывал у нее беспокойство. Он словно парил где-то на заднем плане вездесущей, угрожающей тени с пустыми разбитыми глазницами, которые постоянно следили за всеми.

Никто не знал, сколько дому лет и как давно в нем жили люди. Мало кто бывал внутри. Говорили, там обитают призраки. Джульетта решила, что запертый внутри такого монстра призрак вряд ли настроен дружелюбно, и держалась от дома подальше.

Но вот наступило лето – сплошная череда долгих, жарких и скучных дней. Мэнди предложила заглянуть в Угрюмую хибару, и Уилла сразу согласилась. Им обоим хотелось узнать, почему вокруг этого дома столько разговоров. К тому же если они зайдут внутрь, будет чем похвастаться на следующей вечеринке.

Джульетта могла возразить лучшим подругам, но это не привело бы ни к чему хорошему – только к ссоре и, наверное, даже к слезам. У Джульетты не хватило на это сил. И теперь она стояла одна в спальне на втором этаже старой развалюхи, явно знававшей лучшие времена. Сморщила нос при виде продавленного дивана в пятнах в углу, представив, сколько людей валялись полураздетыми на этих подушках, не понимая, как это грязно и отвратительно.

«В этом преимущество темноты», – подумала Джульетта. Темнота скрывала пятна, трещины на штукатурке, вздыбленные половицы и покосившиеся ступени. При дневном свете все выглядело уродливым – таким, как на самом деле.

– Эй, пойдика взгляни, – позвала откуда-то из глубины дома ее подруга Мэнди. – Похоже, на чердаке застряла птица. Большая. И это плохо кончилось.

Джульетта нахмурилась.

– Фу, не хочу видеть это! – крикнула она в ответ.

– Нет, хочешь, – возразила Мэнди. – Давай тащи сюда свою задницу.

Джульетта закатила глаза. Она могла бы просто уйти. Наверное, так и следовало сделать. Она с самого начала не хотела приходить сюда. Джульетта пнула кусок штукатурки в сторону осыпающейся стены. Она устала от подруг, устала от безжалостной летней жары, устала от скуки, устала от своей жизни...

Подумала о Бо – парне, с которым общалась в интернете. Парне, в которого влюблена. Парне, который влюблен в нее. Парне, о котором она никому не рассказывала, даже лучшим подругам. Сегодня они впервые увидятся. Бо собирался написать ей, где они встретятся, как только его родители уедут из города. Ее щеки вспыхнули в предвкушении. Джульетта была на взводе. Она чувствовала то панику, то раздражение из-за того, что от Бо до сих пор нет вестей.

Подруги снова позвали ее, и она сжала кулаки от досады:

– Да иду уже!

Прошла по комнате, громко топая. Старые половицы скрипели и прогибались. Джульетта добралась до лестничной площадки второго этажа, стараясь держаться поближе к стене и подальше от той части лестничного пролета, где не было перил – их обломки валялись кучей на полу в холле дюжиной футов ниже.

Она пошла на звук голосов подруг в дальнюю часть дома. Узенькая дверка вела к еще более узкой лестнице, исчезающей в пыльной темноте. Несколько ступенек не хватало, а большинство оставшихся, казалось, рассыплется в пыль от малейшего прикосновения. Джульетта начала подниматься по лестнице, проверяя прочность каждой ступеньки пальцами ног, прежде чем наступить всем весом. А когда для равновесия она оперлась рукой о стену, из-под пальцев посыпалась штукатурка.

Наверху показалась Мэнди, нетерпеливо постукивая носком туфли:

– Ну и чего ты копаешься?

Не успела Джульетта ответить что-нибудь поязвительнее, как услышала гудение в кармане. Пульс участился; она чуть не выронила телефон, пытаясь достать его. На экране светилось новое сообщение. От него. Джульетта кликнула на сообщение, чувствуя прилив адреналина. Слов не было, только ряд цифр. Она озадаченно нахмурилась, а потом поняла: это ссылка.

Джульетта нажала на нее слегка трясущимся пальцем. Открылось приложение с картами, указатель уткнулся в нужное место. Джульетта уставилась на них. Вот оно – место, где они встретятся. Место, где она впервые увидит Бо вживую. Сможет прикоснуться к нему, обнять и, наверное, поцеловать, услышать его голос...

От таких мыслей у нее закружилась голова.

Наконец-то это случилось. Теперь ее жизнь изменится. Когда рядом будет Бо, все станет гораздо лучше.

Джульетта подняла глаза и заметила, что Мэнди разглядывает ее в упор. Наверное, наверху было окно, потому что тусклый свет падал сбоку от подруги, отбрасывая на ее лицо тень. И все же Джульетта заметила, что Мэнди сощурилась.

Джульетта подняла телефон повыше:

– Мне пора. Извини.

Она развернулась – ей не терпелось поскорее уйти – и резко остановилась. У подножия лестницы стояла Уилла. Ее светлая грива вьющихся волос заполняла узкий дверной проем.

– Все в порядке? – поинтересовалась она, начиная подниматься.

Джульетта кивнула:

– Да, все нормально. Мама написала, чтобы я не забыла забрать ее лекарства, так что надо бежать.

– Я тебе не верю! – крикнула Мэнди у нее за спиной.

Джульетта не сразу поняла слова подруги. А едва поняла, возмущенно выдохнула и повернулась к ней:

– Ты серьезно?

Мэнди кивнула и вызывающе скрестила руки на груди:

– Ага. Ты все лето ведешь себя странно. Что-то происходит, а ты нам не рассказываешь.

Конечно, это правда. Она никогда не рассказывала им про Бо – по его просьбе. Но это не давало лучшей подруге право называть ее враньей.

– Думай что хочешь, – пробормотала Джульетта и повернулась, чтобы уйти.

Но ступенькой ниже стояла Уилла, преграждая путь. Лестница слишком узкая, чтобы протиснуться мимо. Джульетте, если она решит сбежать, пришлось бы столкнуться с подругой с лестницы.

– Никаких секретов, помнишь? – пропела Уилла своим мягким, мелодичным голосом.

Джульетта стиснула зубы. Она знала, что будет, если она расскажет подругам про Бо: они заявят, что она ведет себя как идиотка. Спросят, говорила ли она с ним по телефону и видеосвязи, а когда Джульетта ответит, что ему не разрешают брать телефон в школу и что он живет на ферме, где связь дерьмовая, то подруги решат: Бо не тот, за кого себя выдает. Они начнут уверять, что на самом деле он сорокалетний извращенец, заманивающий ее в секс-торговлю,

или серийный убийца, или пожилой школьный учитель мистер Купер – тощий, лысый и, по слухам, предпочитающий молоденьких девочек.

Им не понять, что она и Бо общаются уже несколько месяцев. Он отправлял ей фотографии, и Джульетта прогнала их через поисковик изображений и убедилась: они настоящие. Бо даже прислал песню, которую написал для нее. Ни извращенец, ни серийный убийца не стал бы тратить столько времени на такую, как Джульетта. Она не стоит таких хлопот. Есть более легкая добыча.

Поэтому Джульетта знала: Бо именно такой, какой есть.

Не дождавшись ответа, Уилла положила руку ей на плечо. Ладонь подруги была мягкой и прохладной, несмотря на духоту в доме.

– Мы же волнуемся за тебя, Джульетта.

Она беспокоилась искренне, но Джульетте было все равно. Ей больше нет никакого дела до них обеих. Теперь у нее есть Бо.

Джульетта вымученно улыбнулась.

– Со мной все в порядке, – ответила она. – Честное слово. Мне просто пора идти.

Подруги переглянулись. Раньше Джульетта сразу поняла бы этот молчаливый разговор, но сейчас она даже не пыталась.

– Хорошо, – наконец заявила Мэнди. – Мы с тобой.

Щеки Джульетты горели, внутри нее все клокотало. Она хотела ответить им «нет». Ей совсем не нужно, чтобы подруги тоже были на встрече с Бо. Они не вписывались в ту картинку, которую она нарисовала в своем воображении. Но Джульетта лучше всех знала, насколько упрямой бывает Мэнди. Если сказать ей «нет», она точно не уйдет.

Джульетта заставила себя глубоко вдохнуть и расслабить плечи.

«Пускай идут», – сказала она себе. Как только она встретится с Бо, все изменится. Джульетта наконец станет свободной, чего бы это ни стоило.

1

Гвен

Реабилитация – та еще сучья работенка, как раз для такой матерой суки, как я.

Мои травмированные нога и бедро восстанавливались несколько месяцев, и сегодня я наконец-то получаю улыбку во весь рот от своего физиотерапевта. Когда заканчиваю последний жим ногой, врач тянется одобрительно похлопать меня по плечу.

– Прекрасно, – говорит она. – Как себя чувствуешь?

– Замечательно, – вру я, хотя меня тошнит. – Прекрасно.

– Ну что ж, ты добилась колоссального прогресса. Пожалуй, теперь можно перейти к домашним упражнениям – моя помощь больше не требуется. Поздравляю, Гвен. Ты очень старалась – и вот результат.

Когда тошнота проходит, мне удается улыбнуться в ответ.

– Спасибо, – отвечаю я. – Без тебя бы я не справилась.

– Неправда. Я хорошо тебя знаю.

Она помогает мне подняться. Меня пронизывает острая боль, которая, правда, быстро проходит. Мои мышцы сильны, кости срослись. Просто чудо, что операция прошла успешно, учитывая, как здорово я тогда облажалась... хотя у меня не было особого выбора. Или спрыгнуть с высоты в несколько этажей на бетонный пол, или остаться на металлической лестнице и получить удар током². Бывает, приходится принимать решение за долю секунды. Может, оно верное, а может, и нет. Но вы делаете выбор и сталкиваетесь с последствиями.

В моем случае последствия – раздробленная нижняя часть левой ноги, несколько сломанных ребер и треснувший таз. И все-таки это лучше, чем поджариться до смерти. В общем, повезло. Хотя это не значит, что я полностью восстановилась. Может, кости и срослись, но есть и другие травмы – не физические, и они слишком глубокие.

Будь психотерапия так же проста, как физиотерапия... Тогда бы я чувствовала себя почти как раньше – пока психопат не попытался разрушить мою жизнь. Снова.

Вытираю пот с лица и шеи и возвращаю полотенце. Вот и все. Выхожу через двойные двери в солнечное ноксвиллское³ утро, от которого веет осенним холодком.

Через два дома – кофейня. Я присаживаюсь напротив Сэма Кейда. Он опускает газету – ух ты, газету! – и вопросительно поднимает брови. Сэм хорошо выглядит с утра. Волосы немного отросли, стали жестковаты и нуждаются в стрижке. На лице щетина. Умное лицо с самыми теплыми глазами, которые я когда-нибудь видела. В волосах кое-где поблескивает седина – интересно, замечает ли он. И волнует ли это его вообще.

– Ну как? – спрашивает Сэм после нескольких секунд молчания. Я улыбаюсь.

– У меня выпускной. Теперь я свободная птица.

На лице Сэма искреннее облегчение, и это согревает душу.

– Слава богу... Как самочувствие?

– Как новенькая, – я даже почти не вру. – Закажу себе то же самое.

– Газету?

– Кофе, дурачок. Тебе что-то нужно?

– Не откажусь от половинки булочки. С черникой.

² См. роман Р. Кейн «Мрачный залив».

³ Ноксвилл – город в штате Теннесси.

Что ж, почему бы и нет. Подхожу к стойке, делаю заказ и возвращаюсь с добычей. Сэм аккуратно делит булочку, берет свою половину и пододвигает тарелку ко мне. Откусываю кусочек и киваю на стол:

– Что пишут в газетах?

– Я читал про дело Джульетты Ларсон. Ну, ты знаешь: девочка из Гардении, Северная Каролина. Выглядит интересным.

Он протягивает газету. Беру ее и читаю статью, потягивая кофе, который струится вниз к животу, словно темный солнечный свет. Сэм давно пытается побудить меня вернуться к работе, и это его очередная попытка.

Мой босс Джи Би после случившегося щедро предоставила мне оплачиваемый отпуск и время на восстановление. Она охотно подкидывала так много (или так мало) работы, сколько я могу осилить. Но поскольку врач запретил физические нагрузки, меня перевели на кабинетную работу: в основном проверки данных, что со временем стало приедаться.

Я благодарна Сэму за поддержку и желание, чтобы я снова занялась чем-нибудь посложнее, но не уверена, готова ли. Складываю газету и возвращаю, не дочитав статью до конца.

– Меня ждут проверки, список почти на полстраницы, – сообщаю я Сэму. – Так что, пожалуй, пора приступать. Доешь булочку, приятель. Не хочу тратить время попусту. А то пропущу какого-нибудь финансиста, изменяющего любовнице...

– Боже упаси, – отзывается Сэм, запихивая в рот остатки булочки.

Я доедаю свою половинку в два присеста, запиваю остатками кофе, а Сэм выбрасывает мусор по пути к пикапу. *Ego* пикапу. Дочь реквизировала мой внедорожник для поездок в школу, и мне пришлось долго привыкать к этому.

Решение предоставить Ланни больше свободы далось нелегко. Будь моя воля, я не спускала бы с нее глаз круглые сутки, чтобы чуть что сразу броситься на помощь. Но понимаю, что не могу постоянно находиться рядом, а мое желание держать дочь под замком ей явно не на пользу. Остается только надеяться, что я научила ее всему.

Надо отдать Ланни должное: она очень осторожна и, насколько я знаю, не совершила никаких ужасных ошибок, пока я разгребала свои проблемы. Сейчас ей семнадцать. Она упряма, как и положено моей дочери, и у нее очень доброе сердце. Ланни еще не вполне взрослая, но я горжусь ею. И всегда гордилась.

Мой сын Коннор не такой уравновешенный и более импульсивный. Когда ему исполнилось пятнадцать, он стал совсем другим человеком... На самом деле это не так уж удивительно, но в его угрюмом молчании и периодических вспышках гнева я все еще вижу того ребенка, которого помню. Как и у Ланни, у него доброе сердце. Но в отличие от сестры он до сих пор борется с мрачным прошлым – своим собственным и нашим общим.

Его биологический отец Мэлвин Ройял – один из самых известных серийных убийц за последние двадцать-тридцать лет. Человек, которого, мне казалось, я хорошо узнала за прожитые бок о бок годы. Человек, которого я на каком-то подсознательном уровне боялась, но не по тем причинам, по которым следовало. Нет слов, чтобы описать его предательство, от которого пострадала я, пострадали дети. Не могу выразить страх, боль и ужас, которые мы пережили.

Мы с Сэмом едем домой. Я – ну и чудеса! – не проявляю чрезмерной бдительности, но все равно настороже. Всматриваюсь в машины, которые проезжают слишком близко: скорее привычка, чем инстинкт. Если Сэм и замечает это, то ничего не говорит. Он признает, что постоянная бдительность – это часть меня. Сэм – подарок судьбы, которого я не заслуживаю.

– Когда у тебя следующий рейс? – спрашиваю его. Сэм – пилот транспортной авиации, регулярно летающий в разные точки. Он обожает полеты, это делает его счастливым. И хотя порой Сэм исчезает на несколько дней, я рада, что он занят любимым делом. Так лучше для нас обоих.

– В конце недели, не раньше. Короткий рейс в Атланту в пятницу, потом в Даллас, так что на выходных меня не будет, – отвечает Сэм. И бросает взгляд в мою сторону. – С тобой все будет в порядке?

Он всегда задает этот вопрос, а я всегда отвечаю:

– Конечно. Ты же меня знаешь.

– Никогда в тебе не сомневался.

Я смеюсь, потому что знаю: он говорит серьезно. Украдкой целую его перед самым светом. Сэм утробно урчит, давая понять, как сильно ему это нравится. После такого возможно всякое...

Увы, все вылетает из головы, когда мы сворачиваем на подъездную дорожку и обнаруживаем на крыльце в моем кресле-качалке Ланни, завернувшуюся в одеяло и рыдающую.

– Ланни? – Я бегу к ней, сердце колотится в горле. Не знаю, что случилось, но меня уже мучают кошмары, а в голове роится множество нехороших догадок. – Что случилось, детка?

Ланни вытирает слезы и поднимает голову. Слава богу, она цела – ни порезов, ни синяков, но глаза опухли, а макияж растекся, словно акварель под дождем. Моя дочь выглядит почти ненастоящей с тщательно выкрашенными в розово-фиолетовый волосами, размазанной по лицу тушью и блестящими тенями для век. Я борюсь с материнским порывом достать салфетку и вытереть ей лицо.

Ланни всхлипывает:

– Мы с Коннором поссорились.

Несмотря на облегчение, что не произошло ничего серьезного, мое сердце все равно замирает. Это не первая их ссора в последнее время. Они всегда были очень близки и оберегали друг друга, но последние несколько месяцев выдались неожиданно трудными.

Ланни и Коннор уже привыкли убегать, привыкли к опасностям за каждым углом и так и не научились жить нормально. Раньше мы были одни против всего мира. Но сейчас, когда все успокоилось – пока успокоилось, – начались обычные между братьями и сестрами ссоры. Они стали вести себя как все подростки – соперничая друг с другом, подстегиваемые гормонами, обижаясь из-за пустяков. Ланни уже случалось плакать, но до таких рыданий не доходило.

Обнимаю дочь и ловлю взгляд Сэма. Тот молча спрашивает, справлюсь ли я или нужна помощь. Похоже, сейчас нам с дочерью лучше обсудить все с глазу на глаз, поэтому я слегка качаю головой: справлюсь.

Он приподнимает брови. *Точно справишься?*

Я киваю. Сэм всегда меня поддерживает.

Он указывает на машину и тихо говорит:

– Прошвырнись по магазинам.

Продолжая обнимать Ланни, веду ее в дом, усаживаю на диван, беру коробку с салфетками, пододвигаю к дочери и устраиваюсь рядом.

– Так что случилось?

– Я ляпнула глупость, – бормочет она. – Не думала, что это его так разозлит, но в последнее время он очень нервный. Злитесь из-за всяких пустяков.

– Он здесь?

Ланни качает головой.

– Пошел к Кевину поиграть на компе.

Она делает ударение на слове «Кевин». Ланни не нравится друг Коннора. Честно говоря, мне тоже: этот мальчик слишком замкнут, и у меня странное ощущение, будто он всегда прячет ухмылку.

Когда Кевин приходил в гости, я не раз заставляла его в неожиданных местах. Однажды он выскользнул из моего кабинета, а когда я возмутилась, Кевин извинился и заявил, что ищет чистую бумагу для их с Коннором проекта. В другой раз я застукала его в ванной, когда он

рылся в моих ящиках. Кевин снова оправдался: мол, Коннор сказал ему, что там можно найти пластырь.

Вполне логичные объяснения. Может, я и не обратила бы внимания, но что-то в этом ребенке меня беспокоит. Раньше я прислушалась бы к интуиции, но после того, как она подвела меня в случае с Джонатаном Уотсоном, мне трудно доверять самой себе.

К тому же Кевин нравится Коннору, а сыну тяжело заводить новых друзей. Во всяком случае, с тех пор как мы уехали из Стиллхаус-Лейка. Он с трудом учится доверять людям, хотя и старается. Последние пару лет его жизнь выдалась непростой. Еще одно следствие того, что Коннор – сын печально известного серийного убийцы.

Боюсь, если я выскажу ему свои опасения насчет Кевина, Коннор только сильнее отдавится от меня, а мне меньше всего этого хочется. Напоминаю себе слова психотерапевта: иногда нужно давать людям возможность принимать неверные решения – только так они научатся принимать правильные.

Но, черт побери, как нелегко следовать совету...

Обнимаю дочку:

– Хочешь поговорить об этом?

Она теребит салфетку, разрывая ее в клочья, и качает головой:

– Не особо.

Я сопротивляюсь желанию надавить, чтобы узнать побольше, и прижимаюсь к ней сбоку.

– Все ссорятся. Все будет хорошо.

Ланни улыбается мне и начинает вытирать лицо салфеткой, размазывая грязь еще сильнее. В кармане гудит телефон. Она достает его, фыркает, прочитав какое-то сообщение, и начинает жать на клавиши. Устраивается поудобнее на диване, поджимает ноги и склоняется над телефоном. Кажется, она уже забыла и про наш разговор, и про ссору с Коннором. Похлопываю ее по коленке – Ланни рассеянно кивает, – встаю и направляюсь в свой кабинет в дальней части дома.

Усаживаюсь за стол и сразу отправляю сообщение Коннору. Не дождавшись ответа, запускаю приложение, отслеживающее местонахождение его телефона, и убеждаюсь: сын у Кевина. По крайней мере, теперь я знаю: он в безопасности. Раньше отсутствие ответа взволновало бы меня и моментально выбило из колеи, но в последнее время Коннор все чаще проявляет беспечность. Я понимаю, что нужно поговорить с ним, но еще понимаю, что это, скорее всего, приведет к очередной стычке, на которую у меня сейчас нет сил.

Коннор упрекает меня, что ни с кем из его друзей не обращаются как с неразумным ребенком, которому нельзя доверять, а я отвечаю, что им, в отличие от него, ничего не угрожает. Пока он еще подросток, он всегда будет считать себя непобедимым, а я, как мать, всегда буду за него волноваться.

Раздумываю, не позвонить ли матери Кевина и попросить отправить Коннора домой, но знаю, что сделаю только хуже. Вместо этого ставлю на телефоне будильник – напоминание написать сыну через полчаса – и пытаюсь отвлечься работой.

Просматриваю по списку оставшиеся проверки данных. Результаты скучны и предсказуемы, за исключением одного подозреваемого, у которого обнаружили все признаки социопата. Делаю соответствующие пометки.

Я уже заканчиваю, когда звонит босс.

– Привет, Джи Би. Сейчас пришлю результаты последних проверок.

– Хорошо, – торопливо говорит Джи Би. Понятно: она думает совсем о другом. – Как здоровье?

– Отлично, – отвечаю я. Надо притворяться, пока так и не окажется на самом деле. – Есть что-то еще для меня?

– Есть дело о пропавшей без вести. – Она делает паузу, и между нами повисает молчание, что редко случается. – Родственники попросили, чтобы этим занялась именно ты.

Я не удивлена. Почему-то у меня возникла репутация специалиста по поиску пропавших детей – тех, кого, похоже, никогда не найдут. Безнадежные случаи.

Однако проблема с такими случаями в том, что счастливого конца, как правило, не бывает. Мне повезло найти нескольких детей живыми – двух девочек из Вулфхантера в Теннесси⁴ и паренька, которого похитили сектанты⁵. Но здесь меня, скорее всего, ждет неудача, и я совсем не хочу этого.

– Кто пропал? – уточняю я, еще не соглашаясь взяться за дело.

– Девочка по имени Джульетта Карин Ларсон из Гардении, Северная Каролина.

Знакомое имя. Через секунду вспоминаю, где его встречала. Ну, конечно: о ней Сэм читал сегодня утром в газете. Качаю головой. Не знай я так хорошо и своего босса, и своего мужчину, решила бы, что они сговорились вернуть меня к работе.

Но я не уверена, готова ли к такому делу. Мне будет трудно оставаться беспристрастной. Джи Би добавляет еще одну подробность – словно удар под дых:

– Ей пятнадцать.

Прикрываю глаза. Пятнадцать. Ровесница Коннора... Меня охватывает знакомый ужас от мысли, что Коннор может пропасть без вести. Хотя я уже знаю, каково это, – и знаю в мучительных подробностях. Год назад сына похитили. Вооруженные люди схватили его прямо у меня на глазах в нашем доме в Стиллхаус-Лейке. Сэм бросился вдогонку на помощь, и его забрали вместе с Коннором.

Двое моих главных мужчин жизни пропали. Просто взяли и исчезли.

Их захватил в заложники психопат – глава одной секты. К счастью, с помощью моей лучшей подруги Кец, ее парня Хавьера и ФБР мы спасли их. Но и сейчас меня преследуют кошмары тех дней и страх, что это может повториться, – особенно учитывая, что не перевелись люди, желающие нашей семье зла. Хуже всего ночью, во сне, когда в мозгу прокручиваются самые худшие варианты, а я не в силах это остановить.

Делаю глубокий вдох, стараясь успокоиться, чтобы Джи Би не поняла, что я вся дрожу.

– И что же случилось?

Мой голос звучит почти как обычно.

– Она пропала пару месяцев назад. Днем несколько часов тусовалась с подругами, как они рассказали, а потом пошла на свидание с каким-то неизвестным парнем. Больше о ней никто ничего не слышал. Просто исчезла.

Не так уж много подробностей, но мозг уже закипает.

– И никаких зацепок насчет парня?

– Нет. Подруги его не знают. Они смогли описать его пикап, и на этом все. Шериф пытался отследить машину, но ничего не вышло.

– Показаниям подруг можно доверять?

– Они вполне правдоподобны. Полиции удалось найти несколько свидетелей, подтвердивших бóльшую часть этих показаний. Никаких признаков лжи.

– Может, она сбежала из дома?

– Родители категорически это отрицают. Говорят, она ответственная девочка и не пошла бы на такое.

Постукиваю кончиком ручки по столу, размышляя.

– Не так уж много зацепок...

– Тебе удавалось добиваться результатов и с меньшей информацией, – замечает Джи Би.

⁴ См. роман Р. Кейн «Волчья река».

⁵ См. роман Р. Кейн «Горький водопад».

Я ценю ее уверенность в моих способностях, но меня не радует идея брать деньги у убитой горем семьи, поскольку я сомневаюсь в результате.

– Ее родные беспокоятся, что копы что-то упустили из виду?

Такое случается. Полиции в маленьких городках не хватает ни бюджета, ни кадров на масштабные поиски пропавших людей.

– К сожалению, все наоборот, – отвечает босс. – ФБР почти сразу занялось этим делом – и, судя по всему, поработало на совесть. Проверило все версии, но расследование затянулось, и федералы переключились на другие дела. Честно говоря, мне кажется, семья просто не готова смириться.

Их можно понять. Два месяца – долгий срок, учитывая, что речь идет об исчезновении пятнадцатилетней девочки, не имевшей привычки убегать из дома. В мозгу мелькают привычные ужасающие картины того, что могло с ней произойти. Я думаю о ее родителях и о том бесконечном кошмаре, в котором они живут.

Я точно знаю, что случись подобное с кем-то из моих детей, я бы никогда не перестала искать, пока не узнала бы правду. И в то же время я не имею права давать ее родным ложную надежду.

Джи Би чувствует мои сомнения и слегка смягчается, что для нее редкость. Она не любит миндальничать.

– Слушай, если ты не готова, я пойму...

Обрываю ее на полуслове. Я устала, что со мной обращаются как с хрупким инвалидом. Это напоминает мне себя прежнюю – Джину Ройял, безвольную и слабую.

– Не в этом дело. Просто не хочу брать с них деньги, не зная, смогу ли помочь.

– Да, конечно. – Она совсем не удивлена. Это одна из причин, почему мне нравится работать с Джи Би. Иногда ее методы слегка выходят за рамки закона, но моральные принципы совпадают с моими. – Они понимают, каковы шансы. Просто хотят знать, что кто-то по-прежнему ищет их ребенка.

Я понимаю их. Уверена, мой психотерапевт настаивала бы, чтобы я не бралась за это дело. Говорила бы, что я эмоционально не готова и не до конца оправилась после Сала-Пойнта. И, пожалуй, она права.

Я высоко ценю психотерапию и благодарна ей за ту роль, которую она сыграла в моем выздоровлении, но точно знаю: отказ от этого дела будет давить не менее тяжким грузом. Не исключено, что девочка еще жива. И отыскать ее можно, только если не прекращать поиски.

Запускаю приложение с картами на компьютере и вычисляю расстояние между Ноксвиллом в Теннесси и Гарденией в Северной Каролине. Маршрут совсем не короткий – для рабочих поездок расстояние огромное.

– Мне нужно поговорить с Сэмом, прежде чем взяться за дело. Он улетает в конце недели, и я должна рассчитать так, чтобы вернуться к этому времени – присматривать за Ланни и Коннором.

Большинство родителей без колебаний оставили бы пятнадцатилетнего сына и семнадцатилетнюю дочь на пару дней одних, особенно таких самостоятельных, как мои. Но большинство родителей не сталкиваются с такими угрозами, с какими сталкиваемся мы. От одной мысли оставить детей у меня буквально начинает зудеть тело.

Джи Би отвечает без колебаний:

– Идет. Дашь ответ до завтрашнего вечера?

– Дам. Спасибо, Джи Би.

Мы прощаемся, и я со вздохом откидываюсь на спинку кресла. Рассеянно потираю бедро, облегчая боль в мышцах, которые все еще чувствительны после разрыва из-за падения с высоты. Нужно приготовить ужин и вернуть Коннора домой. И у меня предчувствие, что

сегодня будет один из тех напряженных семейных вечеров, которых я так боюсь. Особенно если Ланни и Коннор все еще дуются друг на друга после ссоры.

Я пока не готова к такому, поэтому переключаюсь с компьютера на свой анонимизированный ноутбук и мысленно готовлюсь к потоку писем ненависти.

Несколько дней назад я залогинилась в «Сайко патрул»⁶. Можно было надеяться, что рано или поздно интернет-тролли устанут преследовать нашу семью и угрожать нам. Наверное, кто-то действительно устал, но на их место приходят другие... те, кто только-только присоединился к сторонникам теории заговора. Их так много, что трудно уследить за всеми, однако «тролли» последней волны утверждают: Мэлвин Ройял до сих пор жив, а я каким-то образом втихаря выполняю за него грязную работу.

Что совершенно не так.

Я застрелила Мэлвина Ройяла⁷. Видела, как его похоронили. Знаю, где его могила, но истина неважна для людей, которые строят причудливые замки на песке вокруг сомнительных теорий. Не понимаю, зачем мне помогать бывшему мужу – серийному убийце, но «троллям» все предельно ясно. Очевидно, что я в его власти – беспомощная, выполняющая его приказы. Ведь взрослая женщина не может быть самостоятельной личностью, нашедшей новый жизненный путь.

Разумеется, несколько десятков новых сообщений. В основном угрозы расправы и нецензурные обвинения. Сейчас я уже почти невосприимчива к подобному, но меня задевают угрозы в адрес детей. И Сэма, не имеющего ко всему этому отношения. Угрожающие письма откладываю на потом, а остальные помещаю в папку с надписью «САЙКО ПАТРОЛ» и просматриваю.

Около десятка сообщений. Одно даже довольно милое: там сказано, что мною гордятся, поскольку я сумела начать новую жизнь. Дважды медленно перечитываю его, чувствуя, как в душе разливается непривычное тепло. Сохраню его на будущее. Настанут дни, когда оно мне пригодится. Девять писем – мусор, но десятое – совсем другое дело. Это не обычные гадости в адрес меня и моей семьи, а пресс-релиз. Начинаю читать, и по коже пробегают горячие и холодные мурашки.

ПРАВДУ О ДЖИНЕ РОЙЯЛ ВОТ-ВОТ РАСКРОЮТ

«Погибшие ангелы» – организация, занимающаяся сохранением памяти о жертвах серийного убийцы-маньяка Мэлвина Ройяла – намерена опубликовать результаты многомесячного расследования роли Джинны Ройял в преступлениях ее супруга.

– Мы с самого начала знали, что Джинна Ройял помогала мужу убивать этих несчастных невинных женщин, – заявил Леонард Варрус, отец Аделаиды Варрус, третьей жертвы Мэлвина и Джинны Ройял.

Мистер Варрус, один из первых членов «Погибших ангелов», возглавил расследование, которое финансировалось за счет анонимных пожертвований.

Миссис Ройял оправдали по обвинению в убийстве, связанном со смертью дюжины женщин. Но, как верно заметил мистер Варрус, «оправдание означает, что ее признали невиновной. Есть большая разница между быть признанной невиновной и являться невиновной. Первое значит лишь, что суд не сумел это доказать».

Мистер Варрус продолжил: «Какое удачное совпадение: каждый раз, когда появляются доказательства ее вины, она каким-то образом находит способ ускользнуть от ответственности. Когда наконец это закончится?»

⁶ «Сайко патрул» – интернет-сообщество, занимающееся отслеживанием всего, что связано с преступлениями, совершенными сумасшедшими преступниками, садистами, маньяками и т. п.

⁷ См. роман Р. Кейн «Темный ручей».

Двух девушек убили в Стиллхаус-Лейке прямо возле ее дома! Есть видеозапись, на которой она помогает мужу отнести беспомощную, потерявшую сознание юную жертву в их сарай для убийств. Не забудем также смерть Миранды Тайдуэлл и последующие нелепые отмазки».

Миссис Тайдуэлл, чья дочь Лейла стала второй жертвой Мэлвина Ройяла, была соучредителем «Погибших ангелов» вместе с Сэмом Кейдом. Его сестра Келли – последняя жертва Мэлвина и Джиньи. Миссис Тайдуэлл погибла при подозрительных обстоятельствах в присутствии вышеупомянутого Сэма Кейда и агента ФБР Майка Люстига. ФБР еще не предоставило достоверных сведений о ее смерти, но внутренние источники сообщили: миссис Тайдуэлл убили выстрелом в затылок, что похоже на казнь, из пистолета, на котором найдены отпечатки мистера Кейда.

– Джина Ройял – соучастница преступлений своего мужа. Теперь у нас есть доказательства. Неопровержимые доказательства, – заявил мистер Варрус. – Подпишитесь на нашу рассылку, чтобы первыми узнать правду. До сих пор помощница Мэлвина избегала возмездия. Теперь ей пора понести наказание за содеянное.

Последняя строчка заставляет меня содрогнуться. Большинство угроз в наш адрес – просто угрозы. Настроить кучу полных ненависти постов легко, выполнить обещание возмездия куда сложнее.

Однако к этому, похоже, стоит отнестись серьезно. Понятия не имею, какой информацией они якобы располагают, но точно знаю: доказать мою вину нельзя. Потому что я невиновна.

Я ничего не знала о темной стороне своего мужа. Он позаботился об этом. После похищения сразу перерезал жертвам голосовые связки, чтобы они не могли кричать. И потом мучил их сколько душе угодно, пока его семья сидела у телевизора по ту сторону гаражной двери.

Сердце пронзает острый укол сожаления. Порой я невольно думаю, что *должна* была знать о происходящем. Что не будь я такой покорной и тихой и не побоюсь усомниться в Мэлвине, то узнала бы правду.

Но узнай я правду, мне настал бы конец. Мэлвин совершенно ясно дал это понять, когда пришел пытать и убить меня во время жуткого шоу в прямом эфире.

Умри я, мои дети оказались бы в его власти.

От одной мысли об этом к горлу подступает тошнота. Поглаживаю себя по рукам: мне вдруг становится холодно.

Со вздохом пересылаю Кеции электронные письма с угрозами Сэму и детям, а копию – моему контакту в ФБР с припиской: «Еще больше таких писем адресовано лично мне. Сообщите, если вы можете разобраться с теми, кто угрожает моей семье».

Я знаю заранее ответ ФБР. *Мы понимаем, что вам нелегко, и примем меры. А пока сделайте все возможное, чтобы обезопасить себя и свою семью.* Кеция станет относиться ко мне с большей теплотой, добротой и тревогой, хотя я прекрасно понимаю: она всего лишь детектив полицейского отдела Нортона, Теннесси, и мало что может. Но все-таки хорошо иметь друзей, а Кеция – отличный друг. Мы вместе прошли через такое дерьмо... Я обязана ей своей жизнью и жизнями детей. Этот долг я никогда не смогу вернуть.

Вздрагиваю от стука в открытую дверь. Сэм прислонился к косяку, наблюдая за мной. Он сразу понимает: что-то не так.

– Что случилось?

– Ничего, – невольно огрызаюсь по старой привычке все скрывать.

Сэм поднимает брови и ждет. Он знает, что я вру, но еще знает, что не из злого умысла, а по привычке, от которой пытаюсь избавиться.

Я вздыхаю:

– Получила странное письмо. Ничего особенного.

– Раз ты называешь его странным, значит, это что-то из ряда вон.

Сэм заходит в кабинет, прикрыв за собой дверь, и садится за стол напротив меня. Я подвигаю к нему распечатку пресс-релиза и наблюдаю, как он читает.

Я знаю, в какой момент он доходит до «Погибших ангелов» и своей роли в их основании, потому что его губы сжимаются. Это большая тема для нас обоих. Когда Сэм узнал, что Мэлвин убил его сестру, он был вне себя от горя и справился с ним единственным доступным ему способом – обратив в гнев. И, к сожалению, обрушил его и на меня и мою семью.

Я не виню его: он потерял сестру, погибшую ужасной смертью. Я виню Мэлвина. Еще один пример того, что подвешенные им в камере пыток в гараже женщины – не единственные его жертвы. Их близкие тоже пострадали.

Дочитав до конца, Сэм кладет распечатку на стол и вздыхает. Ему больно осознавать, что его детище продолжает причинять такое горе и угрожать нашей семье.

– Ты знаешь этого Леонарда Варруса? – наконец спрашиваю его. – Нам стоит тревожиться?

– Знаю, но не слишком хорошо. Он не проявлял особой активности на форумах – во всяком случае, посвященных тебе и твоей семье. Непохоже, что он заиклен на мести. Мне казалось, он присоединился к «Погибшим ангелам», потому что искал тех, кто поймет его горе и посочувствует.

– А почему он вдруг переключился на меня?

Сэм задумывается, барабанив пальцами по распечатке.

– Не знаю... Хочешь, наведу о нем справки? Может, что-то раскопаю...

– Почему бы и нет? И я тоже. Посмотрю, удастся ли нарыть что-то с помощью программ Джи Би. Но имей в виду, Сэм, – я тянусь через стол и сжимаю его ладонь, – никакого риска. Не стоит того.

Он смотрит мне в глаза серьезно, искренне.

– Я пойду на любой риск, чтобы защитить нашу семью. – Встает, поднимая с места и меня, подходит ближе и накрывает мою щеку ладонью. – Ты и дети для меня дороже всего.

Он целует меня – сначала сладко и влюбленно, потом все жарче. Я подумываю попросить его запереть дверь, чтобы мы могли продолжить, но тут на столе гудит телефон.

Я настроила звук так, чтобы у каждого из детей был свой сигнал, и сразу понимаю: это Ланни. Сэм знает, что я не могу проигнорировать дочь. Он отстраняется, я тянусь к телефону. И издаю разочарованный стон, прочитав сообщение.

Ланни: что на ужин?

Сэм заглядывает через плечо и хихикает:

– Куда делись те старые добрые времена, когда твой яростный вопль был бы слышен даже в коридоре?

Я только качаю головой. Сэм прижимается губами к моему виску и шепчет на ухо:

– Закончим позже.

От такого обещания внутри у меня разливается предвкушающее тепло.

– Когда ты вернулся из магазина, Коннор еще не пришел?

– По-моему, нет.

Я разочарованно хмурюсь и бросаю взгляд на телефон. Сын до сих пор не ответил на мое сообщение. Он всегда был хорошим, послушным ребенком, но в последнее время стал выходить за рамки дозволенного. Я понимаю, что в его возрасте нормально стремиться к самостоятельности, и пыталась дать определенную свободу, но мы не похожи на другие семьи. Угрозы в наш адрес слишком реальны.

– Напишу ему еще раз. – В моем голосе явное волнение.

Сэм уже достал свой телефон.

– Давай я напишу. Иногда он отвечает мне быстрее.

Это меня немного задевает, но он прав: Коннор все больше и больше привязывается к нему с тех пор, как Сэм заменил детям родного отца. Я стараюсь не обижаться. Все правильно. Коннору нужен отец, а Сэм – лучший из всех возможных: он хороший человек с крепким внутренним стержнем, хотя с виду это почти незаметно, и это восхищает меня. Смотрю, как Сэм отправляет сообщение. И, разумеется, через полминуты получает ответ.

– Что ж, он возвращается.

– Только не пешком.

Здесь недалеко, но мне не нравится, что сын пойдет один в темноте.

– Его привезет мама Кевина. Коннор спрашивает, что на ужин.

– Сам решай, – отвечаю ему и потираю лоб, по-прежнему думая о распечатке на столе и угрозе, которая от нее исходит. Хотя у нас есть план действий, проблема все еще не решена. Бомба, готовая взорваться. Какая-то часть меня хочет сесть, приступить к расследованию и найти ответы. Устранить риск. Но если б я каждый раз поддавалась такому порыву, то провела бы всю жизнь за компьютером.

На самом деле полностью устранить риск невозможно. Всегда найдутся какие-нибудь подогретые «тролли», готовые отправиться в крестовый поход, чтобы отомстить мне и моей семье. Нам нужно найти способ жить нормальной жизнью, несмотря ни на что.

Сэм все понимает без слов и протягивает мне руку.

– Пошли. Буррито сами себя не приготовят.

– Буррито? Смело.

– Да, у меня есть размах.

* * *

Когда Коннор возвращается, мои опасения подтверждаются. Он молчалив и угрюм. Напряженные плечи и спина придают сыну жесткий и неприступный вид. Сразу понятно, что это означает: «Оставьте меня в покое». Коннор ждет упреков за то, что не ответил на мое сообщение, и явно готов к стычке.

Иногда я думаю, не связано ли все более неприятное поведение Коннора с влиянием Кевина. После общения с этим мальчиком сын всегда угрюмее обычного, но с тем же успехом можно списать это на подростковые гормоны. Быть пятнадцатилетним нелегко, особенно учитывая, через что нашей семье пришлось пройти за последние несколько лет.

Я позволяю Сэму взять инициативу на себя.

– Привет. Как поиграли?

– Нормально, – коротко отвечает Коннор, не поднимая головы. Он развалился на диване в такой позе, которую способны принять только подростки, не повредив позвоночник. И уже достал телефон и листает, что-то читая. Хочется поинтересоваться, что именно, но я знаю: он решит, что я надоедаю. Прикусываю язык и продолжаю обжаривать говяжий фарш с луком.

Сэм подходит и садится рядом с сыном.

– Я слышал, вы с Ланни сегодня поссорились. Не хочешь поговорить об этом?

Коннор уже готов ответить «да», я это чувствую. Но подавляет порыв и говорит «нет».

Краткие односложные ответы. Вечер обещает быть долгим.

Из коридора, зевая, появляется Ланни:

– Пахнет вкусно, мам.

– Спасибо. Раз уж ты здесь, нарежь помидоры, – я киваю в сторону разделочной доски, где уже лежат приготовленные овощи. Ланни раздраженно фыркает.

– Я же вчера резала. Разве сегодня не очередь Коннора?

– Врунья, – тут же взвизгивается он. – Это я вчера резал; просто ты такая пустоголовая, что забыла.

– Пустоголовая? – Ланни со звоном швыряет нож на стол. К счастью, не острием. – Врунья?

Я замечаю, что «пустоголовая» оскорбляет ее сильнее, но не вмешиваюсь. Коннор резко поднимает голову. Его глаза... на долю секунды я замираю: глаза сына никогда не были так похожи на глаза его отца.

В них ярость, и это пугает.

Потом Коннор моргает, ярость исчезает, и он снова становится моим сыном. Моим и Сэма, а не Мэлвина Ройяла. Решаю не заикливаться на этом: наверное, просто померещилось.

– Прекрати ныть по любому поводу, – советует Коннор сестре. – Ничего, не переломашь свои пальчики, если нарежешь овощи.

– Мам, разве мы не должны распределять домашние обязанности? – Ланни просто не может не втянуть меня в свои разборки. – Коннор и мусор вчера не вынес. Я вынесла. Он становится такой ленивой задницей...

Я поднимаю руку:

– Домашние обязанности распределяются поровну. Между прочим, Сэму пришлось резать лук, потому что тебя не оказалось поблизости. Так что ты там говорила?..

Ланни молча продолжает резать помидоры, бормоча «он превращается в избалованного принца, а ты этого даже не замечаешь».

Ее слова тревожат меня. Может, дочь права? Неужели Коннор становится высокомерным избалованным парнем, чего я всегда боялась?

– Слушайте, давай просто закончим с ужином. – Сэм, как всегда, выбирает правильный тон – спокойный, справедливый, разумный. – Я знаю, все проголодались. Все станет гораздо лучше на сытый желудок.

Коннор презрительно фыркает, по-прежнему уткнувшись в телефон.

– Видишь? – одними губами шепчет Ланни, повернувшись ко мне.

Я не реагирую, а напоминаю себе: нужно быть благодарной судьбе за то, что худшее, с чем сейчас приходится сталкиваться, – это подростковые ссоры. Стычки брата и сестры куда лучше кровожадных психопатов. Заканчиваю с говяжьим фаршем и отодвигаю в сторону, чтобы приготовить рис. Кто-то должен заниматься ужином.

И ужин проходит на удивление замечательно. Буррито восхитительны, соус достаточно острый и во рту приятно жжет, а хорошее настроение Сэма побуждает Ланни (а под конец и Коннора) улыбаться и болтать.

Дочь рассказывает о поездке на будущие выходные в Рейнский университет. Она предвкушает ее уже несколько месяцев: Ланни вместе с первокурсницей будет ходить на занятия и ночевать в общежитии. Это полноценный опыт учебы в колледже. Мне приходится постоянно сдерживаться, чтобы не сказать ей: она не сможет поехать. Внутри все сжимается при мысли, что дочь окажется далеко от меня, одна. Несколько раз я подумывала забронировать номер в отеле в соседнем городе – вдруг что-то случится. Но приходится напоминать себе: Ланни почти взрослая. Ей нужно научиться жить самостоятельно. Если я не смогу смириться с мыслью, что она уедет на выходные, то ни за что не смирюсь, если она решит отправиться туда после окончания школы. Но нельзя позволять своему страху мешать будущему Ланни. Это нечестно по отношению к ней. Она умная и сильная. Нужно верить, что я правильно воспитала и подготовила ее.

Когда приходит очередь Коннора рассказать, как прошел день, его ответ получается чуть длиннее обычного. Не «все нормально», а «сегодня нам несли какую-то чушь про изменение климата».

Я едва не давлюсь чаем со льдом:

– Что-что?

– Мы начали новый раздел по окружающей среде, и учитель говорил про изменение климата, как все ужасно... бла-бла-бла, бла-бла-бла. Но на самом деле вся эта статистика фальшивая. Ситуация совсем не такая критическая. Они просто выдумывают, чтобы всех контролировать.

Я на секунду теряю дар речи.

Ланни закатывает глаза, и Коннор, естественно, сразу ощетиливается:

– Нет, серьезно. Могу показать сайты, где это доказано. Мне Кевин показал.

Отставляю стакан, пытаюсь придумать ответ, который не выведет сына из себя. На языке вертится, что Кевин несет чушь и не знает, о чем говорит. Но тогда Коннор точно начнет огрызаться, а это делу не поможет.

– Дорогой, – говорю я вместо этого, – что бы Кевин тебе ни показал, есть куча материалов, доказывающих обратное. Не ограничивайся одним источником и не верь всему, что написано. Уж ты-то должен знать. Если б ты поверил Мэлвину...

До него доходит. Сын знает, сколько существует ложных «содержащих факты» сайтов про нашу семью. По версии одного из них, Коннор на самом деле – клон. По версии другого, сына вообще не существует, а перед камерами вместо него выступает актер. Люди обожают фальшивую реальность.

Коннор подается вперед:

– Здесь другое дело. Это не один-единственный сайт. Есть куча...

– Сделай одолжение: проверь, чей сайт, – советует Сэм. – Выясни, чем эти люди занимаются и что публиковали. Кто они такие и почему говорят то, что говорят. Не верь любому, кто заявляет, будто знает истину. Не верь никому из них.

Коннор скрещивает руки на груди, словно защищаясь, но хотя бы слушает.

– Если не хочешь всю жизнь выкидывать кучу денег мошенникам, нужно научиться распознавать ложь. Бывает нелегко понять, каким источникам в интернете можно доверять, а каким нет. Я могу объяснить тебе наглядно, как другие стараются манипулировать тобой, но на самом деле все просто. Они делают это с помощью страха, а если не страха, то чувства превосходства и приобщенности к тайным знаниям. На самом деле, – тут Сэм поворачивается к Ланни, – это не помешало бы знать вам обоим. Когда вымоете посуду, можем сесть и все обсудить.

Вот так просто Сэм разрядил обстановку.

Сегодня.

Ужин заканчивается на более дружеской ноте, чем я надеялась, и Ланни с Коннором даже без пререканий моют посуду. Но я не совсем доверяю наступившему перемирию.

У меня предчувствие, что надвигается настоящая буря.

2

Коннор

Вернувшись из школы, я, как всегда, первым делом проверяю почтовый ящик. Большая часть писем – унылая фигня для взрослых, но сегодня есть кое-что необычное: большой коричневый конверт, закопавшийся среди кучи всякой ерунды. Когда я вытаскиваю его, сердце колотится, а во рту пересыхает.

Я узнаю обратный адрес: служба пересылки писем. Мама начала ею пользоваться, когда мы пустились в бега после того, как ее оправдали и нам начали угрожать разные психи. Мама не хотела, чтобы кто-то нас выследил. И зарегистрировалась в нескольких компаниях по пересылке, чтобы перенаправлять письма через цепочку почтовых ящиков и их нельзя было отследить.

На самом деле письма приходили только от одного человека – моего отца, Мэлвина Ройяла.

Даже после того, как он умер несколько лет назад, письма продолжали приходить. Он готовился к смерти, заранее написал десятки писем и раздал друзьям, чтобы они отправляли их потом. Помню, в начале этого года вечером я на кухне наливал себе воды в стакан, и мама сказала нам, что разорвала его последнее письмо, не читая. Тогда я ответил, что она правильно сделала, потому что знал: именно это она и хотела услышать.

Мама больше не хочет иметь ничего общего с отцом и ясно дала нам это понять. Она с удовольствием вычеркнула бы его из нашей жизни, если б могла. Ланни тоже.

Но я – другое дело. Я не готов вычеркнуть отца, не вырезав при этом кусок самого себя. И когда через несколько недель я нашел еще одно письмо от него, то забрал и спрятал, пока мама не разорвала.

С тех пор я каждый день после школы первым делом тайком проверяю почтовый ящик, чтобы забирать отцовские письма, прежде чем мама или Ланни найдут их и разорвут на клочки. Это моя последняя связь с отцом – последний шанс понять его с его собственных слов.

Оглядываюсь через плечо – убедиться, что Ланни уже в доме, – и быстро засовываю конверт за пояс брюк, прижимая к спине и закрывая сверху рубашкой. Когда я захожу домой, руки дрожат, я на пределе. Ланни набрасывается на меня, едва я переступаю порог. И, не дав опомниться, ехидничает, что я забыл положить в сушилку одежду, и теперь она будет пахнуть плесенью, и что, наверное, поэтому у меня мало друзей.

Обычно я не обращаю на это внимания, но письма отца всегда вызывают у меня странные чувства: и предвкушение, и страх, и головокружение, и негодование, и, главное, гнев. Я резко огрызаюсь. Моя грубость удивляет Ланни. На глазах у нее уже блестят слезы. Но она все равно кричит на меня.

У меня нет ни времени, ни терпения выслушивать ее чушь. Я отмахиваюсь, закатив глаза. – Я к Кевину, – говорю ей и, не дослушав, хлопаю дверью.

Пройдя несколько кварталов до дома друга, чувствую, как конверт натирает поясницу. Руки чешутся от желания вытащить его и вскрыть, но я заставляю себя потерпеть, пока не доберусь до Кевина. Ему не меньше меня интересно, что же там написано.

Мне повезло иметь такого понимающего друга. Я привык, что отец только помеха: из-за него другие ребята всегда шпыняли меня и издевались. Но Кевин не такой. Он не судит обо мне по отцу.

Кевин не похож на моих одноклассников. Он читает не меньше меня, ему нравится думать о разном. Он не принимает за чистую монету все, что говорят нам учителя и другие взрослые, а сомневается. Он из интереса сам проводит исследования и может часами спорить

почти на любую тему. Это он научил меня не верить паникерам, которые кричат об опасности изменений климата.

А еще Кевин научил меня не верить всему, что говорят об отце. Он подсказал, что все, что я знаю о Мэлвине Ройяле, я знаю или от мамы, или от журналистов, а они каждый по-своему предвзяты. И заметил, что, возможно, мама установила фильтры родительского контроля на наши телефоны и компьютеры, чтобы мы не искали информацию об отце в интернете, потому что ей есть что скрывать. Потому что там не только то, что она нам рассказала.

Кевин предложил мне самому провести расследование и сделать выводы. И научил пользоваться Даркнетом – целым морем информации без цензуры, которое не контролируют правительства и корпорации. Я слышал о нем и раньше, но толком не понимал, что это такое.

Даркнет выдал кучу сведений об отце. Раньше я думал, что знал, что он натворил, но, оказывается, я и понятия не имел. Те статьи в интернете, которые я читал раньше, – лишь верхушка айсберга.

Именно в Даркнете я нашел неотредактированные стенограммы судебных заседаний по делу отца и копии настоящих полицейских отчетов с фотографиями с места преступления. Сначала невозможно было увязать все это с тем образом отца, который я знал. Я не мог понять, как один и тот же человек проделывал ужасные вещи с этими девушками – и читал мне в детстве сказки на ночь и укрывал одеялом.

Я стал одержим желанием понять, что же произошло. Поэтому как-то днем я порылся в мамином кабинете, когда она уехала с Сэмом на физиотерапию, а Ланни отправилась на пробежку. Я не сразу нашел, где мама прячет файлы, но в конце концов обнаружил флешку, прикрепленную скотчем к задней стенке ящика стола. Там были сканы всех писем, которые отец послал ей за эти годы и которые, как мы думали, она уничтожила. Значит, сохранила копии на всякий случай...

Но письма отца только сильнее меня озадачили. Большинство из них показывали его темную, жестокую сторону с подробными описаниями преступлений, которые выходили далеко за рамки полицейских отчетов. Меня затошнило. Эти письма заставили меня возненавидеть его.

Но там были и письма с воспоминаниями, любовью и обещаниями счастливого будущего, когда все мы снова станем одной семьей. Они напомнили мне о времени, когда отец был моим отцом. Когда я смотрел на него снизу вверх и чувствовал себя в его объятиях любимым и защищенным.

Я не мог понять, кто же из этих двоих настоящий Мэлвин. И до сих пор не могу.

В дом Кевина я всегда вхожу без стука. Его отец валяется на диване, в телевизоре орут какие-то спортивные передачи. Отец Кевина приветственно машет рукой и спрашивает, не хочу ли я посмотреть матч вместе с ним. Вежливо отказываюсь.

Иногда в доме Кевина я невольно наблюдаю за его отцом. Он кажется нормальным мужчиной – обычным папой. Волосы немного поседели, живот обвис несколько лет назад, вокруг глаз морщинки. Он любит воскресный футбол и уговаривает Кевина смотреть его вместе, но мой друг не увлекается спортом и каждый раз закатывает глаза, прежде чем отпустить какое-нибудь ехидное замечание.

Иногда я спрашиваю себя: а если б тот пьяный водитель не врезался в наш гараж и тайную жизнь моего отца не раскрыли, смотрели бы мы вместе футбол вечером по воскресеньям? Появились ли бы у нас свои традиции: жевать попкорн или чипсы с соусом, надевать в дни матчей футболки нашей любимой команды, чтобы она победила?

Я помню вечера, когда мы всей семьей смотрели фильмы на диване и я сворачивался калачиком, прижавшись к крепкому теплему отцовскому телу. Конечно, временами он бывал суровым, требовательным и наказывал, если мы его не слушались. Но он заботился о нас.

Для него были очень важны семейные обеды, и он редко пропускал наши школьные мероприятия.

Мой отец любил меня.
Мой отец был монстром.

Вряд ли и то и другое может быть правдой одновременно. Но я не могу понять, что же из них ложь.

Когда добираюсь до комнаты Кевина, я уже достал и вскрыл коричневый конверт. Как только друг видит, что у меня в руках, то ставит на паузу компьютерную игру и поворачивается в кресле ко мне.

Я устраиваюсь в другом кресле у стола и читаю письмо вслух.

Дорогая Джина!

Помнишь те ночи после рождения Брэйди, когда он плакал без перерыва и никак не мог успокоиться – только если носить его на руках кругами по дому? Наверное, нет. Ты была тогда такой подавленной, такой измученной и тратила последние силы на Лили, предоставив мне заниматься новорожденным Брэйди...

Я не возражал. Я дорожил нашим с ним временем. Это только укрепляло нашу связь. Мы часами ходили по кругу: на кухню, вокруг стола, обратно в гостиную, вокруг стула, снова на кухню. Я разговаривал с Брэйди. Я давал ему обещания. Например, обещал, что всегда буду о нем заботиться. Что сделаю из него настоящего мужчину, которым все будут восхищаться и уважать.

Я поклялся, что никогда не брошу его. И не бросил. Это ты мешаешь нам встретиться.

Я знаю, ты настраиваешь детей против меня, Джина. Представляю, какую ложь ты рассказываешь им обо мне. Что ты за мать, если поступаешь так со своим ребенком? С собственным сыном? Что ты за мать, если заставляешь детей поверить, что отцу наплевать на них? Как ты можешь быть такой жестокой?

Это не должно было произойти. Ты не должна растить детей одна. Я должен быть рядом. Я – их отец. Мой долг – воспитывать их. Сделать из Брэйди настоящего мужчину.

Ты слишком мягкая, Джина. И детей вырастившь такими же. Боюсь представить, что станет с Брэйди под твоим крылышком. Он уже такой же слабый и жалкий, как ты? Позволяет себя контролировать? Беспрекословно тебе подчиняется? Ты вообще позволяешь ему быть самим собой?

Кто научит его быть настоящим мужчиной, Джина? Научит брать то, что ему причитается? Когда я приду за тобой, Джина, я хочу, чтобы ты поняла, почему я это сделаю. Потому что ты должна быть наказана за то, что творишь с моим мальчиком. За то, что скрывала его от меня и заставляла поверить во все плохое, что говорят обо мне. Когда он снова станет моим, я воспитаю его таким, каким, уверен, он сможет стать.

Этот мальчик для меня важнее всего на свете. Он – моя единственная ценность. Я не позволю тебе отнять его у меня. Я буду бороться за Брэйди до последнего.

Я приду за тобой, Джина. И за своим сыном тоже.

Дочитав, не отрываю глаз от отцовской подписи, пытаюсь унять жжение в горле. Меньше всего сейчас мне хочется расплакаться перед Кевином.

Отец уже не в первый раз обвиняет маму, что она настраивает нас против него, но все равно тяжело это читать: во мне начинают прорастать росточки сомнения.

Потому что все так и есть, правда? Мама всегда рассказывала об отце только плохое. Конечно, у нее есть веские причины – я не могу закрывать глаза на те ужасы, которые он творил. Но у него была и другая сторона. Которую мама и Ланни отказываются видеть.

Однажды я видел в интернете ролик, в котором кто-то говорил о справедливости. Что нельзя судить о нас только по худшему в жизни поступку. Это ведь всех касается, правда? Даже таких, как мой отец?

Несколько секунд мы сидим молча. Потом Кевин спрашивает:

– Ты когда-нибудь задумывался, что он чувствовал, когда убивал в первый раз?

Вопрос удивляет меня. Я никогда об этом не думал.

– В смысле?

Кевин вертит в руках геймпэд.

– Он ведь планировал заранее, так? Как убивать и истязать девушек. Наверное, представлял себе, как это будет...

Я ерзаю в кресле: мне слегка не по себе от таких мыслей об отце. Но нужно смотреть правде в глаза – и хорошей и плохой.

– Ну, наверное.

– Как думаешь, почему он сорвался? Почему в конце концов решил убивать?

– Кто его знает... Он был психопатом.

Так всегда говорили мама и сестра. Простой ответ. Но не факт, что правильный.

– Не знаю, не знаю, – возражает Кевин. – Если он был психопатом, почему не убивал раньше? Много лет *не* похищал женщин, *не* пытал и *не* убивал. А потом *бац* – и однажды вдруг начал... Почему? Что случилось?

Пожимаю плечами. Разговор принимает опасный оборот. Не уверен, что хочу знать ответы на эти вопросы.

Друг подается вперед в кресле:

– Сколько тебе было, когда он убил свою первую жертву?

Кевин знает. Я рассказал ему все, что знал об отце. Он так же хорошо знает о «карьере» Мэлвина Ройяла, как и я. Но все равно хочет, чтобы я сказал вслух. Иногда Кевин ведет себя как придурок.

– Какая разница?

– Я вот думаю, что-то в нем сломалось. И он спросил себя: хватает ему в жизни того, что есть, или этого мало?

Кевин говорит так, словно в этом виноваты и мы – Ланни, мама, я. Как будто нас отцу оказалось недостаточно, и он начал убивать. Мне так хочется огрызнуться – аж кожа зудит. В голове эхом отдаются слова психотерапевта: Мэлвин Ройял сам в ответе за то, что натворил. Он, а не мы.

– Может, он был эгоистичным ублюдком, который решил, что законы ему не писаны, и в конце концов начал действовать, – возражаю я.

– А ты сам когда-нибудь хотел?

– Убить кого-то?

Вопрос Кевина не удивляет меня. Я знаю: рано или поздно все задумываются, похож ли я на отца. По правде говоря, я и сам об этом думал. Пытался поставить себя на его место, чтобы понять. И хотя даже мысль об убийстве пугает до тошноты, иногда – совсем чуть-чуть – меня гложет нездоровое любопытство. Как мог отец сдирать с этих девушек кожу заживо, а через минуту отложить свои инструменты, зайти в дом, вымыть руки и сесть ужинать с семьей, как будто всего в нескольких ярдах не умирал в агонии человек?

– Нет, – наконец отвечаю я.

– Правда? – Кевин явно не верит.

Я качаю головой. Друг смотрит на меня еще секунду и пожимает плечами.

– Хочешь поиграть? – спрашивает он, протягивая геймпэд. У Кевина самый разгар онлайн-битвы с несколькими нашими друзьями. Мне не особо нравятся такие игры.

Киваю на его компьютер:

– Я лучше в интернете посижу, ты не против?

– Нет, конечно.

Мой друг уже весь в игре и тихо чертыхается: ему тут же устраивают засаду, и Кевин теряет половину очков жизни.

– Мать твою, вот долбаный ублюдок! – И набрасывается на геймпэд, рыча: – Я иду за тобой, ублюдок!

Не обращая на друга внимания, включаю компьютер и пробираюсь в Даркнете к форуму Мэлвина Ройяла, который нашел, когда несколько месяцев назад начал собирать сведения об отце. В почтовом ящике светятся несколько непочитанных сообщений. Я улыбаюсь. Сперва я просто читал форум, а комментировать начал, только когда там разместили ложную информацию о моем отце.

Сейчас я один из самых популярных форумчан, авторитетный эксперт по Мэлвину Ройялу. Со мной считаются, просят, чтобы я отвечал на вопросы и разрешал споры. Конечно, ходили всякие слухи, кто я такой и откуда так много знаю, но я очень осторожен и ничем себя не выдаю. Некоторые сторонники теорий заговора даже выдвигают версии, что я и есть Мэлвин Ройял, а известие о его смерти – просто обман. Иногда я подыгрываю им, чтобы никто не заподозрил, кто я на самом деле.

Форум – одно из немногих мест, где я могу открыто говорить об отце и никто не осуждает и не стыдит меня. Я как раз отвечаю на вопросы про Мэлвина и поддразниваю форумчан новой информацией о нем, когда приходит сообщение от мамы: просит вернуться домой. В голове эхом отдаются отцовские фразы из письма: «Позволяет себя контролировать? Беспрекословно тебе подчиняется? Ты вообще позволяешь ему быть самим собой?»

Я игнорирую мамино сообщение и продолжаю постить на форуме.

3

Гвен

На следующее утро Сэм подбрасывает детей в школу по дороге на работу в аэропорт. После его отъезда дом кажется каким-то странно пустым. Я чувствую: что-то не так, и брожу из комнаты в комнату, проверяя, заперты ли окна и включена ли сигнализация.

Обычно это успокаивает, но не сегодня. И я знаю почему: из-за пресс-релиза «Ангелов». Я знаю, они не отступят. Спокойствие, которым мы наслаждались последние несколько месяцев, оказалось лишь короткой передышкой, а не началом мирной жизни.

Со вздохом возвращаюсь в кабинет, включаю компьютер и первым делом ищу в поисковике Леонарда Варруса. О нем много информации. Неудивительно, учитывая, что его дочь стала одной из первых жертв Мэлвина. Статьи, которые я читаю, именно такие, как и ожидалось: грустные воспоминания об энергичной молодой женщине, полной надежд и мечтаний, чья жизнь оборвалась трагически и жестоко.

Тяжело это читать, зная, что ее пытали и убили в моем гараже, когда мы с детьми, скорее всего, были в нескольких ярдах от нее. Еще тяжелее читать про боль человека, потерявшего единственного ребенка. Это ужас, с которым не смирится ни один родитель. И хотя я всего лишь читаю о чужом горе, грудь сжигает тревога.

Чтобы успокоиться, беру телефон и открываю приложение, отслеживающее местонахождение детей. Оба в школе, в безопасности. Это немного успокаивает, и я продолжаю поиски.

Прогоняю имя Леонарда через несколько полулегальных программ Джи Би. Пока они работают, переключаюсь на отчет для босса. Я почти заканчиваю, когда раздается тревожный сигнал телефона. Смотрю и чувствую, как волна холода накрывает меня и растекается по позвоночнику.

Срочная новость из школы Кресент-Вью. Поступили сообщения о стрельбе в кампусе. Полиция уже приехала, школа оцеплена. Мы будем сообщать новую информацию по мере поступления.

Меня охватывает ужас. Это же школа Коннора и Ланни.

Хватаю ключи и бегу.

* * *

Я не могу подъехать к школе. Подъездные дороги уже перекрыты шлагбаумами и заблокированы полицейскими машинами – их так много, что не сосчитать. Есть и машины «Скорой помощи». Сирены молчат, но фары мигают. Ждут, когда вынесут раненых.

При мысли об этом меня тошнит от страха. Мне нужно знать, в чем дело. Знать, что с моими детьми все в порядке.

К машине подходит молодая полицейская. Я опускаю стекло.

– Что происходит? – Голос срывается, я на грани паники. Сглатываю комок в горле и стараюсь взять себя в руки.

– Мэм, кто-то из ваших родственников здесь, в школе?

– Сын и дочь.

Я вся дрожу. Мне уже приходилось переживать такой страх, когда мои дети пропали. Жуткое чувство беспомощности. Сжимаю руль так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– Мне пришло сообщение о выстрелах. Что происходит?

– Все верно, мэм. Школа оцеплена, – отвечает полицейская.

Она пытается успокоить меня и казаться невозмутимой, но я вся наэлектризована и готова кричать. Хочется выскочить из машины и помчаться в школу. Хочется что-нибудь сделать. Хоть что-то. Воздух гудит от сирен: вторая волна машин «Скорой помощи». Они паркуются немного дальше. Я понимаю, что даже если в школе сейчас стрельба, даже если мои дети лежат раненые и беспомощные, никто не поможет им мгновенно. Нет, только когда полицейские найдут стрелка.

– Стрелок еще там?

Ушам своим не верю, что спрашиваю об этом. Что речь о школе, где учатся мои дети. Как такое вообще возможно? Почему до сих пор не придумали, как покончить с этим?

– Мы пытаемся разобраться. – Это все, что она может сказать. – И просим всех родителей ехать в общественный центр и ждать. После эвакуации учеников привезут именно туда.

Она отодвигает ограждение в сторону и указывает на большое кирпичное здание в конце квартала. Парковка уже забита внедорожниками и фургонами репортеров.

Я еду куда велено и паркуюсь на свободном месте. Оглядываюсь на других родителей, направляющихся к входу. У всех похожее выражение лица: шок, ужас, паника. Журналисты толпятся в сторонке, пока еще уважая личное пространство родителей. Но это ненадолго, знаю по опыту.

Хватаю телефон и открываю приложение. Метки указывают, что дети все там же: школа Кресент-Вью. Но это не значит, что они и в самом деле там. На учебных занятиях по эвакуации их учат отключать телефоны или выбрасывать, если это может выдать местоположение. Дети могли убежать и оставить мобильники в школе.

Если б я могла попасть в школу и спасти их, так и поступила бы. Если б могла пробраться в кампус и не быть пойманной полицией, уже попробовала бы это сделать. Но остается только сидеть и ждать. Ненавижу чувство беспомощности. Я привыкла действовать. Привыкла противостоять опасностям. Но прямо сейчас я могу только закрыть глаза и снова и снова шептать про себя: «Пожалуйста, пусть с вами все будет хорошо. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Как раз в этот момент телефон гудит: сообщение. От Ланни. Сердце подпрыгивает в груди.

Заперлись в классе. Кто-то стреляет в школе. Я в порядке. Люблю тебя, мама.

Впиваюсь взглядом в экран, испытывая одновременно облегчение и ужас. С ней все в порядке, слава богу. Но она по-прежнему в опасности. А я ничего не могу сделать... Ненавижу это чувство беспомощности.

Начинаю набирать ответ, но внезапно понимаю: это может быть опасно, если Ланни не выключила звук. Хочу написать Коннору и убедиться, что он тоже в порядке, но не делаю этого по той же причине. Нельзя выдать его местонахождение, если он скрывается.

Мысль, что мой мальчик прячется от стрелка, вызывает новый приступ тошноты. Справившись с ним, звоню Сэму. Он нужен мне. Нужно услышать его голос.

Он отвечает. Судя по его непринужденному тону, Сэм не знает о стрельбе. И тут я понимаю, что не поставила на его телефон обновление школьной системы оповещения, чтобы он тоже был в курсе новостей.

– Я сейчас в общественном центре через дорогу от школы Коннора и Ланни, – сама удивляюсь, насколько четко и спокойно я это говорю. – В школе, скорее всего, стрелок. Дети заперты внутри. Ланни прислала сообщение, а Коннор – нет.

Просто слова. Бесплезные факты. Внутри меня бушует буря. Хочу разрыдаться, но не могу. Что-то останавливает меня, заставляет говорить бодро и держать себя в руках. Хоть я и не контролирую ситуацию. От слова «совсем».

Короткая гнетущая пауза. Затем Сэм отвечает:

– Приеду сразу, как смогу.

Он не тратит время на банальности: говорит именно то, что мне нужно услышать, и отключается.

В общественный центр съезжаются родители учеников. Выхожу из машины и присоединяюсь к ним. На входе молодая женщина со слезами на глазах спрашивает меня, что происходит. Я не могу ответить, потому что сама не знаю. Просто, подчиняясь порыву, беру ее за руку и чувствую, как ее тело содрогается от неподдельного ужаса. Она сжимает мою руку и плачет.

Несколько полицейских на входе записывают наши фамилии и имена детей. Какой-то громогласный здоровяк пытается выведать у них как можно больше, но никто ничего не знает. Все напряжены, злы, напуганы. Как только полицейские записывают мою фамилию, меня проводят в большой конференц-зал, где уже расставляют стулья.

Инстинктивно озираюсь по сторонам в поисках выходов и других способов выбраться отсюда, на всякий случай мысленно выстраивая самый короткий маршрут. И тут замечаю, что в зале нет окон. Значит, не хотят, чтобы мы увидели тела, если их понесут в стоящие через дорогу машины «Скорой помощи».

Помогаю расставлять стулья, радуясь, что это, по крайней мере, дает ощущение: я делаю что-то полезное. Другие родители тоже присоединяются. Богатые, бедные, представители разных рас – сейчас все они выглядят одинаково: потрясенные, перепуганные, одеревеневшие от страха. Кто-то плачет. Кто-то в недоумении качает головой, требуя ответа, почему никто не знает, как такое могло случиться.

Как будто такое не происходит с другими людьми, другими семьями, другими детьми... Как будто они этого не знают...

Зал почти полон, когда появляется Сэм. Бросаюсь к нему. Он подбегает ко мне, обнимает, и на секунду буря внутри меня стихает, но не прекращается. Сэм тоже дрожит. Он делает глубокий вдох и спрашивает:

– Есть новости от Коннора?

Качаю головой. Сверлю взглядом телефон, мысленно умоляя сына отозваться. Пальцы немеют от желания написать ему, но даже вибрация телефона с выключенным звуком может выдать Коннора, если он в опасности. Я должна терпеть. Мы должны терпеть.

Замечаю, что другие родители тоже уткнулись в телефоны. Некоторые, наверное, как и я, надеются получить весточку от детей. Другие просматривают новости. Чей-то отец, сидящий неподалеку, смотрит прямую трансляцию местного новостного агентства, снимающего фасад школы. Как-то нереально видеть знакомое здание в окружении стольких полицейских.

От этого зрелища мне становится так плохо, что я невольно отвожу взгляд. Сэм ничего не говорит – просто держит меня за руку и ждет, напряженный, сильный, надежный. Я никогда не была так благодарна ему за поддержку. Не знаю, связано ли это с его военным прошлым или с каким-то стальным внутренним стержнем. Мне всегда (точнее, после случившегося с Мэлвином) казалось, что я сильная, но это тревожное, напряженное, изматывающее ожидание ломает меня. Внутри все болит. Я вспотела, хотя температура нормальная. Хочется, чтобы женщина за спиной перестала плакать и стонать, потому что я не могу себе такое позволить. Не могу разрешить себе поверить, что моим детям сейчас может быть больно. Или даже...

Мысли, бегающие по кругу, замирают, когда перед нами появляется полицейский. Судя по форме, старший офицер. Когда он откашливается, все замолкают.

– Внимание, – начинает полицейский, словно пытаюсь добиться тишины, хотя в зале и так гробовое молчание. – Я лейтенант Окойе. Я буду держать вас в курсе всего. В данный момент нам точно известно, что ученик пронес в школу пистолет и начал стрелять.

Хотя большинство уже знают это, после такого официального подтверждения в зале ахают и охают. Кто-то даже вскрикивает.

– Пока у нас нет информации о возможных жертвах, но группа захвата сейчас прочесывает здание в поисках стрелка, так что скоро все узнаем. Как только угрозу устранят, мы отправим туда бригады «Скорой помощи», которые займутся ранеными, если они будут.

– Вы не знаете, скольких застрелили? – спрашивает сидящий впереди мужчина. Его голос звучит резко и грубо, контрастируя с деловым тоном полицейского. – Чем вы занимаетесь, черт побери? Идите туда и вытащите наших детей!

Многие поддерживают его одобрительными возгласами, кивая головами. Лейтенант Окойе поднимает руки, призывая к спокойствию, но тщетно. Некоторые родители тоже пытаются задать вопросы, которые тонут в общем гуле.

– Внимание! Успокойтесь, пожалуйста! – повышает голос полицейский. – Прямо сейчас наши люди уже внутри и выясняют обстановку. Но мне нужно, чтобы все вы сохраняли спокойствие. Как только будут новости, я сразу сообщу. Сейчас вам принесут воду и еду...

– Думаете, нам сейчас до еды? – срывающимся голосом возмущается какая-то женщина.

– Мэм, операция может затянуться, и мы хотим устроить вас поудобнее. В соседнем зале собрались местные священники, если кому-то нужна поддержка. А кроме того...

Я перестаю слушать, потому что сидящий рядом мужчина вздрагивает и судорожно втягивает воздух. Смотрю на его стиснутый в руках телефон. Прямая трансляция показывает, как школьные двери распахиваются с обеих сторон, и из них выбегают дети с поднятыми вверх руками.

– Они вышли! – кричит мужчина. – Выходят!

В ту же секунду другой полицейский подходит к лейтенанту и что-то шепчет на ухо. Окойе кивает и отходит в сторону.

– Стойте! – окликает его женщина. – Куда вы? Что происходит?

В зале начинается хаос. Кто-то кричит: «Один мальчик ведет в “Фейсбуке”⁸ прямую трансляцию из школы!» И называет его имя.

Все, в том числе и я, хватаются за телефоны. Нахожу нужный канал и вижу, как школьники цепочкой друг за другом пробираются по коридору. Полицейские машут им, чтобы не задерживались. Картинка мутная, так что узнать кого-то в лицо очень трудно. Ланни с ее фиолетово-розовыми волосами было бы легко заметить. Но я изо всех сил пытаюсь вспомнить, во что был одет утром Коннор. Как я могу не знать таких элементарных вещей? Вздрогнув, понимаю, что даже не помню, попрощалась ли с ним перед уходом.

А если у меня больше никогда не будет такой возможности?

Сжимаю телефон, следя за трансляцией и надеясь, что увижу что-то знакомое. Какую-нибудь подсказку: с моими детьми все в порядке. Вокруг слышу облегченные возгласы родителей, увидевших, как их дети убегают в безопасное место. Остальные ждут, ощущая душливый страх.

Наконец через полчаса мучительного ожидания лейтенант возвращается. Когда он выходит на середину зала, все отрываются от телефонов и смотрят на него.

– Мы вывели учеников из школы, – сообщает он. – Скоро мы приведем их к вам, и можно будет ехать по домам.

– Сколько? – тихо и испуганно спрашивает кто-то.

– Мэм, мы сейчас заняты детьми, которым пора домой, – а это почти все ученики. Могу только сказать, что трое раненых в больнице, но погибших нет.

Вдохи облегчения, в том числе и мой. Они живы. По щекам теплыми струйками текут слезы, я вытираю их.

⁸ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Учеников приводят группами по пять человек. Каждый раз родители вскакивают со стульев, обнимают детей и торопливо уводят домой, в безопасность.

Ланни в третьей группе. Я встречаю ее с любовью и страхом, которые переполняют меня. Целую, обнимаю и наконец спрашиваю:

– Ты видела Коннора?

Она качает головой:

– Нет, мы же были в разных кабинетах.

С удивлением обнаруживаю, что меня трогает за локоть чернокожая полицейская. Когда я оборачиваюсь, она с каменным лицом уточняет:

– Миз⁹ Проктор? Мистер Кейд? Не могли бы вы пройти со мной?

В ее глазах сочувствие, которое она не в силах скрыть.

– Нет, – с трудом выдыхаю я. Ноги становятся ватными, и Сэм прижимает меня к себе, поддерживая, чтобы я не рухнула.

– Нет, – повторяю я. Не может быть. Я отказываюсь в это верить. Не верю.

Мой сын не мог стать жертвой.

Но зачем тогда полицейской звать меня?

Она кладет руку мне на плечо:

– Ваш сын жив. Он не пострадал.

Я испытываю такое сильное облегчение, что готова разрыдаться. Но все равно не понимаю, в чем дело.

– Где он?

– Он стал свидетелем стрельбы. Детективы хотят его допросить, но мы считаем, что лучше, если рядом будет кто-то из родителей.

Как ни странно, это не первый раз, когда одного из моих детей допрашивает полиция. И даже не второй, и не третий. Можно подумать, что я уже привыкла, но это не так. Мы с Сэмом переглядываемся и без слов понимаем друг друга. Мы оба знаем: Сэм справится лучше. Коннор ни в чем не виноват, но я всегда слишком остро реагирую, когда речь заходит о его безопасности.

– Я хочу его видеть, – говорю полицейской.

– Я тоже, – добавляет Ланни.

– Идем вместе, – предлагает Сэм. – Потом ты отвезешь домой Ланни, а я – Коннора, когда все закончится.

Ловлю на себе взгляды других родителей, когда офицер провожает нас до двери. Знаю, им всем интересно, кто мы такие и почему нас уводит полицейская. Значит, не просто так. Или наш ребенок ранен, или убит – или, еще хуже, он и есть стрелок.

От одной мысли про последний вариант я еле сдерживаю истерический смех. Сейчас мне меньше всего нужно привлекать лишнее внимание. В зале и так уже перешептываются. Возможно, кто-то узнал меня. Даже думать не хочу, о чем они говорят и какие могут поползти слухи. «Темное прошлое снова настигло семейство Прокторов».

Ланни крепче обнимает меня за талию, и я понимаю: она тоже это заметила. Дочь напряженно прижимается ко мне, и я притягиваю ее еще ближе.

– Все будет хорошо, милая, – шепчу, уткнувшись в ее волосы. Она кивает, но на глазах все равно блещат слезы.

Снаружи до отвращения прекрасная погода. Яркое солнце, на небе ни облачка; удушливая влажная жара последних нескольких дней уступила место мягкому ветру. Репортеры замечают идущего с нами офицера, и камеры поворачиваются к нам, приближаясь.

⁹ Миз – нейтральное обращение к женщине, не подчеркивающее возраст и семейный статус.

От стольких нацеленных объективов на меня накатывает знакомая паника. Не могу смотреть в телекамеру, не вспоминая, каково было сидеть взаперти в той лачуге на плантации среди болот Луизианы и ждать, когда бывший муж начнет транслировать в прямом эфире мои пытки и убийство.

Сэм знает. Он тоже был там и сам видел, какие ужасы меня поджидали. Понимает, что у меня посттравматическое расстройство. Без лишних слов Сэм делает шаг вперед и идет, закрывая меня от камер.

Офицер ведет нас через улицу, мимо очередного полицейского кордона, к машине «Скорой помощи» на краю школьной парковки. У задней стены каталка, а на ней, скрестив ноги, сидит маленькая фигурка.

Коннор.

Я бегу. Никто даже не пытается остановить меня, понимая, что это бесполезно. Сын замечает меня как раз вовремя и соскальзывает с каталки. Хватаю его и крепко-крепко прижимаю к себе.

– Мам, – сдавленно произносит Коннор, и у меня разрывается сердце. Как будто он опять маленький мальчик, напуганный ночным кошмаром.

Отстраняюсь, чтобы осмотреть его. Руки и рубашка в крови – во влажных, липких пятнах.

– Ты не ранен?

Сын качает головой. Губы сжаты, на глазах слезы. Он выглядит испуганным, растерянным и непонимающим. Хочу помочь ему, но не знаю как.

Коннор прижимается к моей груди. Обнимаю его, испытывая желание держать его так бесконечно и защищать от всего мира. Но уже замечаю неподалеку мужчину и женщину. Оба в штатском, но, видимо, это те самые детективы, которые пришли поговорить с Коннором.

– Прости, – бормочет сын, утыкаясь мне в плечо.

– Все в порядке, – уверяю я, хотя и не могу знать наверняка. Я просто должна в это верить. – Тебе не за что просить прощения.

Сын поднимает голову, и в его глазах что-то вспыхивает. Он отводит взгляд в сторону, смотрит на Ланни и опускает голову, уставившись в землю.

– Это был Кевин.

Когда эти слова обрушиваются на меня, я замираю. Самое поразительное, что я совсем не удивлена. Интуиция уже несколько недель предупреждала меня насчет Кевина, а я только отмахивалась.

Ланни ахает. Коннор морщится. Его лицо вспыхивает. Он часто краснеет, когда чувствует себя виноватым.

Теперь, начав говорить, сын не может остановиться.

– Не понимаю, как он мог... – Коннор делает глубокий вдох. Точнее, пытается, но у него перехватывает дыхание. – Как он мог... – Качает головой, стиснув зубы. – Просто стоял там и стрелял, и... как? Как он мог так поступить с нашими друзьями? Как будто они не живые люди, как будто у него не настоящий пистолет с настоящими пулями, и кровь не настоящая... Он просто застрелил их. Как он мог? Зачем...

Теперь он дрожит. Прижимаю его к плечу, заглушая его бормотание, и крепко обнимаю:

– Ш-ш-ш. Все хорошо. Ты в безопасности. Я рядом.

– Я не понимаю, – приглушенно повторяет Коннор. – Он же был моим другом.

Он подавляет рыдания.

Пытаюсь подыскать слова, чтобы успокоить сына, и не нахожу. Мне знакомы и это смятение, и чувство, что тебя предали, когда кто-то из близких совершает немыслимое. Я знаю, что есть вещи, которые нельзя объяснить. И что у некоторых людей просто гнилое нутро. Но это знание не смягчает боль.

Кто-то рядом откашливается. Оглядываюсь и вижу стоящих в ожидании детективов. Коннор, видимо, тоже слышит кашель и выпрямляется.

– Миз Проктор? – уточняет женщина-детектив. Я киваю. – Разрешите задать вашему сыну несколько вопросов?

Бросаю взгляд на Сэма, пытаюсь понять, позволять ли Коннору говорить с полицией без звонка адвокату. Я уверена, что Коннор не имеет никакого отношения к стрельбе. Но я помню, как еще раньше, в этом году, копы сразу заподозрили сына, что он потенциальный школьный стрелок, как только кто-то взломал школьный форум и разместил там ложные угрозы от его имени.

Коннор, однако, не колеблется.

– Я готов, – говорит он мне.

Я все еще сомневаюсь:

– Уверен?

Он кивает и делает шаг в сторону, скрестив руки и ссутулившись. Никогда не видела сына таким встревоженным. Он кажется младше своих лет и не таким уверенным, как утром перед уходом в школу.

Коннор судорожно вздыхает.

– У него была куча стволов, – объясняет он, не дожидаясь вопросов детективов. – Ну, то есть у его родителей, в сейфе. Но Кевин знал код, доставал их и баловался с ними. Иногда мы тренировались в стрельбе по мишеням в лесу. – Он смотрит на меня и опускает глаза. – Прости.

У меня нет слов. Я была готова поклясться на Библии, что мой сын знал, как важно соблюдать меры безопасности, знал, как обращаться с оружием, знал, что играть с ним неправильно и опасно. Я постоянно вдалбливала детям, что оружие – не игрушка. Что с ним нужно быть осторожными.

Я потрясена, что Коннор наплевал на мои предупреждения. Хочется обвинить в дурном влиянии Кевина, чтобы оправдать сына, но и сам Коннор не такая уж невинная овечка, если позволил себе подпасть под чужое влияние.

Я впервые по-настоящему поражена, как много не знаю о собственном сыне.

Но сейчас не время обсуждать это с Коннором. Ругать его за игры с оружием бесполезно. Очевидно, он и сам это понимает. Мне остается только кивнуть. Не знаю, что еще делать.

– Вчера он поссорился с парой ребят, – продолжает Коннор. – Не в реале, в игре. Они наговорили ему всяких гадостей. Он пообещал отомстить. Я думал, он просто шутит. Я правда так думал. Я решил, что он просто устроит засаду в игре и надерет им задницы. Но потом... я увидел его в коридоре. Он подошел к Майку и просто... – Коннор, замешкавшись, бледнеет и несколько раз судорожно сглатывает ком в горле, прежде чем находит силы продолжить. – Взял и выстрелил в него. Друг Майка, Джуниор, стоял рядом – Кевин и в него выстрелил. А потом... просто ушел. Mam, я пытался спасти их. Но там было столько крови...

Коннор дрожит, как осиновый лист. Я снова обнимаю его.

– Все хорошо, – шепчу ему. – Ты жив, ты не ранен. Это самое главное. Детка, я так счастлива, что ты в порядке... – Оглядываюсь на дочь. – Так счастлива, что вы оба в порядке...

Ланни присоединяется к нашим объятиям, а Сэм обнимает всех. На секунду мы прижимаемся друг к другу – семья, защищающая себя от всего мира и его опасностей.

Но потом мне приходится выпустить Коннора и позволить детективам увести его. Сэм шагает рядом с сыном, обнимая его за плечи. А я с Ланни иду обратно через улицу к нашей машине. Я не реагирую на камеры и на вопросы, которые сыплются из толпы набежавших репортеров. И думать не хочу, как они начнут неистовствовать, когда поймут, что сын Мэлвина Ройяла дружил со стрелком и стал свидетелем преступления.

Какая ирония судьбы... Все эти годы я считала Мэлвина Ройяла главной угрозой для сына. Сегодняшние события напомнили: кроме нашего прошлого, в мире существуют и другие опасности.

4

Гвен

Кеция звонит, едва мы возвращаемся домой. Беру трубку и слышу ее напористый голос:
– Я только что видела в новостях про стрельбу. Пожалуйста, скажи, что с детьми все хорошо.

– С ними все хорошо, – заверяю я ее.

У нее вырывается вздох облегчения:

– Господи, Гвен... Что произошло, черт побери?

Слышу доносящийся через коридор шум воды: Ланни принимает душ. Я расслабляюсь, зная, что она меня не услышит. Я мало кому доверяю, но Кеция Клермонт – одна из таких людей. Она любит моих детей почти так же сильно, как и я. Представляю, каково ей было узнать эти новости.

Опускаюсь на диван, обмякнув от усталости после переживаний этого дня.

– Один мальчик принес в школу оружие. Кажется, какая-то дурацкая обида из-за компьютерной игры. Двое учеников ранены, в критическом состоянии.

Кеция чертыхается.

– И почему такое до сих пор происходит?

– Коннор все видел. Он свидетель.

– О нет, – в ужасе выдыхает Кеция.

– Стрелок – один из его близких друзей, – добавляю я. Странно говорить такое. Кажется, что все это не взаправду. Я ведь знаю Кевина: он сидел за моим столом на семейных обедах, ночевал у нас... Да, он не слишком мне нравился, но я никогда бы не подумала, что он на такое способен.

Хотя я никогда не думала, что и Мэлвин способен на то, что совершил. Наверное, я плохо разбираюсь в людях.

Кеция молчит, обдумывая услышанное.

– Как Коннор?

– Еще в школе. С ним беседует полиция.

Кеция переводит дыхание, но я уже знаю, что она собирается сказать.

– Не волнуйся, с ним Сэм, – успокаиваю ее. – Я предлагала вызвать адвоката, но Коннор решил сам поговорить с полицией.

– Может, приехать? Смогу через пару часов.

Я чувствую невероятную благодарность, что у меня такие верные и преданные друзья. У меня был период, когда я думала, что больше никогда никому не смогу доверять.

– Спасибо, но, думаю, мы сами справимся.

– Дай знать, если что, хорошо?

Я улыбаюсь:

– Конечно.

– Смотри у меня, Гвен Проктор, – говорит Кеция притворно грозным тоном.

– Я не стану просить женщину на двадцатой неделе беременности прыгать в тачку и подвергать себя возможной опасности. Опять.

– А ты знаешь, что я полицейский детектив, а? Я не боюсь опасностей.

– Знаю. Жаль, что не боишься... Ну, конечно, я позвоню, если потребуется.

– Только попробуй не позвонить.

– Как там малыш?

После сегодняшнего ужаса приятно вспомнить, что в мире есть и хорошее.

Голос подруги смягчается, и я живо представляю ее улыбку.

– Он в порядке.

– Он?

Когда я в последний раз говорила с Кецией, она и Хавьер еще не знали пол будущего ребенка.

– Или она. Никак не могу определиться. На этой неделе я ходила на УЗИ, но врач не сумела толком рассмотреть. – Подруга смеется. – Наверное, он – или она – слишком стеснительный.

– Ты сделала УЗИ? Я думала, анатомическое сканирование только через пару недель...

– Да, но прямо на службе у меня начались судороги и кровянистые выделения. Хави перепугался и отвез меня в больницу. Не волнуйся, меня полностью обследовали. Ребенок и я в порядке.

Кеция говорит небрежно, как будто ничего особенного не случилось, но я все равно волнуюсь.

– Ты не слишком много работаешь, а?

– А я уж думала, что теперь, когда рядом нет Престера, больше никто не будет ко мне цепляться...

– Уверена, твой отец и Хави так заботятся о тебе, что можно расслабиться.

Она смеется:

– Ты даже не представляешь. Я никогда не ела таких вкусняшек, как сейчас.

Нетрудно представить, как эти двое заботятся о Кеции. Они обожают ее – и есть за что. На секунду мне становится грустно, что я не рядом с подругой. Первая беременность страшит, и я знаю, как хорошо, когда рядом есть женщина, которая уже проходила через это.

Старая рана еще саднит. Стиллхаус-Лейк стал нашим домом, а потом нас выжила семейка местных криминальных авторитетов, недовольная вниманием, которое привлек к этому месту мой бывший муж. Иногда я лелею надежду, что Бельденов накажут, но до сих пор им удавалось уклоняться от всех попыток властей привлечь их к ответственности.

– Ты была рядом с нашим домом в последнее время? – спрашиваю подругу. Переехав в Ноксвилл в прошлом году, мы пытались продать дом в Стиллхаус-Лейке, но безуспешно. В конце концов мы решили недорого сдать его, и желающие нашлись. В основном те, кто хотят спокойно отдохнуть на берегу озера. Время от времени кто-то снимает дом из-за его дурной славы – ведь он принадлежит бывшей жене Мэлвина Ройяла. Вот когда полезно иметь лучшую подругу-полицейскую.

Отец Кеции, Изи, живет неподалеку, и она время от времени заглядывает в те края – и заодно проверяет, как наш дом, все ли в порядке.

– Всего несколько дней назад. Все нормально.

– Спасибо. В эти выходные заезжает новый арендатор. Если увидишь в окнах свет, не удивляйся.

– Буду держать ухо востро. – Она делает паузу. – Seriously, Гвен, с тобой все нормально?

В ее голосе искреннее беспокойство, и у меня сжимается горло. Кеция была со мной на маяке несколько месяцев назад, когда Джонатан Уотсон пытался убить меня. Она тоже получила психическую травму, когда сидела в наручниках в диспетчерской и наблюдала, как Джонатан заставляет меня участвовать в его извращенных играх. Именно она предупредила, что он собирается ударить током по металлической лестнице, по которой я поднималась. Это спасло мне жизнь, хоть и подвергло Кецию – и ее будущего ребенка – серьезной опасности.

Она готова ради меня на все.

Еще утром я ответила бы, что все замечательно. Ужасно, как быстро все может измениться, и я знаю это, как никто другой. Я уже проходила через это.

– Со мной все будет нормально, – отвечаю подруге.

– Не понимаю, как ты справляешься, Гвен. Ты самая сильная женщина из всех, кого я знаю.

Я не говорю Кеции, что у меня просто нет выбора.

– Сама поймешь, когда возьмешь на руки свое сокровище. Ради него ты пойдешь на все.

– Ты хорошая мать, – произносит Кеция.

Я улыбаюсь:

– А ты хорошая подруга. А теперь погладь малыша в своем животике и передавай привет Изи и Хави. Скажи им, что увидимся через пару недель на вечеринке в честь будущей мамы.

* * *

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем я слышу, как на подъездную дорожку сворачивает пикап Сэма. Как только дверь открывается, я сразу прижимаю Коннора к себе и крепко обнимаю.

Секунду сын терпит, а потом начинает извиваться.

– Да ладно тебе, мам, – приглушенно просит он, уткнувшись мне в плечо.

Не слушаю и продолжаю его обнимать, а потом наконец отпускаю:

– Как все прошло?

Он пожимает плечами:

– Нормально.

Типичный ответ ни о чем. Стараюсь не раздражаться, учитывая, через что Коннору сегодня пришлось пройти.

– Как себя чувствуешь? – не отстаю от него.

Сын морщится:

– Обязательно говорить об этом прямо сейчас?

Мне хочется ответить: да, обязательно. Я почти весь день так волновалась за него. Сначала боялась, что с ним что-то случилось, а когда узнала, что он в безопасности, ужаснулась тому, что Коннору пришлось пережить.

Но еще я понимаю: то, что сейчас так важно для меня, не обязательно важно для сына. Смотрю на его большую, не по размеру, футболку с названием школы, в которую ему, должно быть, дали переодеться, потому что его собственная одежда была в крови. На руках остались полосы в тех местах, где он пытался смыть кровь, но не до конца. Его ногти тоже еще в крови.

Сердце разрывается при виде сына и от понимания, чему он стал свидетелем. Хочется прижать его к себе и сделать так, чтобы все стало хорошо, но, боюсь, от этого будет больше вреда, чем пользы.

Сморю на Сэма в поисках совета. Он провел с Коннором последние несколько часов и лучше меня знает его эмоциональное состояние. Сэм прекрасно понимает мой вопрос и слегка кивает, намекая: сына лучше отпустить.

– Ладно, – неохотно сдаюсь я. – Иди приведи себя в порядок.

Коннор явно приободрился.

– Позвонила твоему психотерапевту, – добавляю я. – У вас встреча в понедельник, но он сказал, что может принять тебя раньше, если захочешь. И, конечно, если что-то нужно, я рядом. Мы все рядом.

– Спасибо, мама, – бормочет Коннор, обходит меня и направляется в свою комнату. Я смотрю ему вслед и вижу, как он ссутулился. В груди становится больно.

Как только дверь за сыном закрывается, я поворачиваюсь к Сэму:

– Как он?

Сэм тяжело вздыхает, и я замечаю, как напряжены его плечи. У него тоже выдался нелегкий денек.

– По-моему, неплохо, с учетом всех обстоятельств. Ему нелегко пришлось. Думаю, сейчас он подавлен и слегка замкнулся.

– Он рассказал, что произошло?

– Он не так уж много знает. Сказал, что был у Кевина вчера вечером, когда тот в онлайн-поссорился с друзьями, которые устроили ему засаду в компьютерной игре. Сказал, что не придавал этому особого значения: такое случилось не в первый раз. И еще сказал, что Кевин ненавидит проигрывать, особенно на людях. Что он, возможно, пытался сохранить лицо.

Сжимаю виски, вспоминая вчерашний вечер, когда я подумывала позвонить маме Кевина и попросить отправить Коннора домой. Если б я так и сделала, могло что-то измениться? Тогда Коннор не стал бы свидетелем всего этого?

– Значит, все из-за какой-то дурацкой игры? – спрашиваю я с отвращением.

– Похоже на то. – Сэм гораздо спокойнее меня, но в его глазах я замечаю бурю. Сегодняшние события повлияли на него так же сильно, как и на меня. Просто последние несколько часов ему пришлось скрывать смутение и выглядеть сильным ради Коннора.

– Когда приехали копы, Кевин был ранен, – продолжает он. – Они думают, что он сам в себя выстрелил. Он в реанимации вместе с двумя жертвами. Полиция узнает больше, когда... если они выкарабкаются.

Я качаю головой:

– Как жаль... Бедные родители...

Вспоминаю, каково было сидеть в зале сегодня утром, когда мы все смотрели друг на друга, гадая, кто вернется домой с детьми, а кто нет. Никому не пожелала бы такой пытки.

– Они проверили Коннора на следы пороха на руках, – добавляет Сэм.

Я удивлена:

– Почему?

– Думаю, просто перестраховываются. Это как раз тот случай, которые привлекают внимание прессы.

– Да, я понимаю, просто... Коннор ведь абсолютно ни при чем.

Только произнеся это, я замечаю, что в моем голосе прозвучала вопросительная нотка.

– Конечно, ни при чем, – отвечает Сэм без тени сомнения и обнимает меня.

Прижимаюсь к нему. Много лет я не верила, что когда-нибудь снова буду чувствовать себя в безопасности. Что мне станет легко, и я смогу расслабиться, а сильным побудет кто-нибудь другой.

– С ним все будет хорошо, Гвен, – обещает Сэм, касаясь губами моего лба. – Он уже многое пережил. Он справится.

– Знаю, – отвечаю ему. Мне тоже хочется быть уверенной, как Сэм. Все когда-нибудь достигают критической точки, когда все становится просто невыносимо. Мне ли не знать.

Сэм отстраняется и прижимает ладонь к моей щеке:

– Я знаю, ты хочешь помочь ему справиться с этим.

Мне удастся выдавить подобие улыбки. Он видит меня насквозь.

– Конечно, хочу.

– Мне кажется, сейчас лучше дать ему время попробовать справиться самому.

– Ему же всего пятнадцать! Он еще почти ребенок, – протестую я.

– Коннор так не считает. И, боюсь, чем больше мы будем давить, тем сильнее он замкнется в себе. И тем меньше шансов, что обратится к нам, когда ему понадобится помощь.

Выслушивать это нелегко, но Сэм говорит дело. Пытаюсь понять, что подсказывает мне интуиция, но внутри полный бардак. Я не могу разделить, что хорошо для меня и что хорошо для Коннора. Такая неопределенность непривычна, и мне это не нравится.

– Наверное, ты прав, – соглашаюсь в конце концов.

– Подождем несколько дней, – предлагает Сэм. – Думаю, ему просто нужно дать время, чтобы разобраться в себе, а потом объяснить это нам. Или кому-то еще.

Вспоминаю маяк – как я падала с высоты и думала: мне конец. Мне было очень страшно: не за себя, а за детей – что будет с ними без меня. Я знала, что Сэм позаботится о них, и это утешало. Но все равно сомневалась, хорошо ли подготовила их к жизни.

Тогда я поняла, что не всегда смогу их защитить. В конце концов им придется научиться жить самим.

Поэтому в последние месяцы я заставляла себя давать детям больше свободы и самостоятельности, хотя инстинктивно была против. Поэтому разрешила Ланни отправиться на выходные в колледж на встречу будущих абитуриентов. Поэтому не мешала Коннору дружить с Кевином.

Может, я ошибалась. Может, они не готовы. Но как иначе они научатся жить самостоятельно?

Я не знаю правильный ответ и даже не уверена, есть ли он вообще. Интуиция, которой я всегда доверяла, теперь меня подводит. И я решаю довериться Сэму.

– Если ты считаешь, что надо дать ему немного свободы...

– Да, считаю. – Он снова обнимает меня. – Мы пройдем через это вместе. Все будет хорошо. Обещаю.

* * *

Первый репортер звонит на домашний телефон сразу после десяти вечера. Я сижу на диване, не в силах заставить себя лечь спать, все еще потрясенная событиями сегодняшнего дня. Какая-то частичка меня подсказывает: нужно быть начеку, хоть я и не знаю почему. Просто такое чувство, что где-то рядом притаилась опасность и нужно быть готовой.

Вскоре ожидания оправдываются: раздается стук в дверь. Я не хочу рисковать и сначала достаю из сейфа под диваном пистолет. Прижимаю к себе, крадучись подхожу к окну и выглядываю. На улице стоит фургон телевизионщиков.

Наверное, репортерша замечает, как дрогнули занавески, потому что начинает выкрикивать вопросы прямо через дверь:

– Миссис Проктор, нам известно, что ваш сын Коннор сегодня стал главным очевидцем стрельбы в школе Кресент-Вью. Он может это прокомментировать? Наши источники утверждают, что он был близким другом стрелка. Он знал о его планах? Он в этом замешан?

Позади раздается шум, я напрягаюсь и быстро оборачиваюсь. В конце коридора стоит Коннор. Он в джинсах и футболке, волосы не растрепаны – значит, еще не ложился. Судя по тому, как он побледнел, сын услышал вопросы репортерши.

Он видит пистолет у меня в руке и начинает дрожать. В глазах паника.

Во мне инстинктивно вспыхивает желание уберечь сына. Мигом прячу пистолет в сейф под диваном, подхожу к Коннору и обнимаю. Он не сопротивляется.

– Ш-ш-ш, малыш, – шепчу я, прижимая его ближе. – Все хорошо. Ты в безопасности.

Снова стук, теперь громче. Новый поток вопросов через массивную деревянную дверь. Коннор трясет головой:

– Я не хочу говорить с ними. Пожалуйста, не надо.

Я вспыхиваю от гнева на репортершу. Как она посмела заявиться сюда и нарушать покой в нашем убежище? Но в то же время понимаю, что на самом деле злюсь на себя. Я должна была это предвидеть. Копы обещали не разглашать прессе, что Коннор – свидетель, но учитывая, сколько народу задействовано в расследовании, рассчитывать на такое обещание наивно. Эта история – сама по себе журналистская сенсация, а с учетом прошлого нашей семьи – просто золотая жила.

И я знаю: дальше будет только хуже.

– Мама? – На пороге своей комнаты появляется Ланни. Она такая беззащитная в поношенной футболке «Рэмоунз»¹⁰ и в шортах. Ноги босые, фиолетово-розовые волосы распущились вокруг головы, словно радуга.

Позади нее стоит Сэм. Судя по тому, как сжаты его челюсти, он готов на все, чтобы защитить семью.

– Я уже позвонил в полицию и сообщил о незаконном проникновении. Они кого-нибудь пришлют.

Я бы на это не рассчитывала. У полиции наверняка есть дела поважнее, чем отгонять от нас репортеров.

– Какая разница... Журналисты будут просто караулить на улице.

Как раз в этот момент к хору репортеров снаружи присоединяется новый голос – более высокий и молодой. Я мгновенно узнаю его.

– Убирайтесь с дороги, вашу мать! И вообще валите отсюда к чертям. Хватит делать из трагедии развлечение, никчемные придурки!

Ключ поворачивается в замке, и дверь приоткрывается ровно настолько, чтобы Ви – Вера Крокетт – могла проскользнуть внутрь и захлопнуть ее за собой.

– Твою мать, – бормочет она себе под нос, задвигая засов и перезапуская сигнализацию, прежде чем повернуться к нам.

Ви выглядит строже обычного: свободная рубашка, заправленная в высокие джинсы, неброский макияж, выбившаяся прядь волос убрана за ухо. Единственное, что неуместно, – огромные тапочки на ногах.

– Примчалась, как только услышала о стрельбе. Вы в порядке?

Последний вопрос адресован конкретно Коннору и Ланни. Ланни вместо ответа бросается к Вере и позволяет обнять себя.

Раньше между ними была дружба – или нечто большее. Не знаю, что там у них сейчас, да и не важно: главное, что Ланни есть на кого опереться, кроме меня. Ви умеет ее утешать, а именно это Ланни и нужно.

Поскольку в ближайшее время никто не собирается спать, я удаляюсь на кухню, наливаю себе и Сэму по бокалу вина и готовлю горячий шоколад для детей. Они тоже садятся за стол. Ланни задирает ноги на край стула, подтянув колени к подбородку.

Коннор сутулится, теребя выбившуюся из футболки нитку. Он изо всех сил притворяется, что все хорошо, но его выдают покрасневшие от слез глаза. Больно видеть детей в таком состоянии. Именно от этого я пыталась уберечь их – от ужасов жестокого мира. Они не должны были взрослеть так быстро, но им не оставили выбора.

Мэлвин позаботился об этом.

Ви роется в кухонных шкафчиках и находит упаковку печенья. Берет несколько штук и усаживается, бросив коробку на середину стола.

– Так что будем делать с придурками снаружи?

Меня не удивляет такая преданность Ви. Официально она не член нашей семьи, но мы как бы удочерили ее, когда помогли выпутаться из беды в Вулфхантере, в штате Теннесси¹¹. Хотя формально она освобожденная от опеки несовершеннолетняя, мы по-прежнему помогаем ей деньгами. Мы для нее как семья.

Ланни и Коннор молчат. Сэм встречается со мной взглядом и кивает. Он знает, о чем я думаю: мы уже обсуждали это. Во всяком случае, решение очевидно. Занятия в школе отменены до конца недели, если не дольше, пока идет расследование и заделывают следы от пуль.

¹⁰ «Рэмоунз» – американская рок-группа, известная как одна из первопроходцев панк-рока.

¹¹ См. роман Р. Кейн «Волчья река».

Меньше всего сейчас мне хочется держать детей взаперти в доме, вокруг которого шныряют репортеры. Нужно увезти их подальше от пристального внимания и напоминаний о том, что произошло.

– Как насчет того, чтобы на время уехать из города? – предлагаю я.

Коннор замолкает, запихивая в рот несколько печенек.

– Мне тоже можно?

– Ну, конечно. К тому же полиция знает, как связаться с нами, если возникнут новые вопросы.

– А куда? В Стиллхаус-Лейк?

В глазах сына слабый проблеск надежды – напоминание о его привязанности к нашему старому дому.

– Увы, он сейчас арендован. – Мне больно разочаровывать Коннора. – Но в Северной Каролине пропала девушка, и Джи Би хочет, чтобы я расследовала это дело. Можем вместе поехать туда. Сэм уже взял отгул.

Сын на секунду задумывается:

– Мы тоже будем помогать в расследовании?

Раньше дети помогали мне, но, боюсь, сейчас Коннор не в том состоянии. С другой стороны, неплохо, если он на чем-то сосредоточится.

– Может быть, – отвечаю я.

Он пожимает плечами:

– Тогда я в деле. Все лучше, чем торчать сейчас в этом дерьмовом городишке.

Я вздрагиваю от таких слов, но не комментирую.

– А как насчет моей поездки в колледж на выходные? – спрашивает Ланни.

У меня внутри все сжимается. Я совсем забыла, что это так скоро.

– Прости, милая. Знаю, ты ждала с таким нетерпением, но сейчас не лучшее время. Можно перенести поездку на потом, когда все немного успокоится...

Дочь выдавливает из себя улыбку:

– Ничего страшного. Наверное, глупо думать об учебе в другом штате... Всем спокойнее, если я буду ближе к дому.

От покорности в ее голосе у меня разрывается сердце. Мои дети уже пожертвовали слишком многим из-за грехов их отца. Так больше не может продолжаться.

– Нет, ты должна поехать. Может, Сэм отвезет?

Тот кивает:

– С удовольствием.

Ланни в замешательстве морщит лоб.

– А... – Она бросает взгляд на Коннора, и я легко читаю ее мысли. Ланни хочет спросить, кто без нее позаботится о брате. Но передумывает и говорит вместо этого:

– Вряд ли Коннору сейчас стоит быть одному.

Жду, что сын начнет протестовать: он и сам справится, ему не нужна нянька... Но Коннор молчит. Это красноречивее всего говорит, как сильно повлияли на него сегодняшние события.

– Я поеду с Коннором и миз Пи, – подает голос Ви. Все удивленно смотрят на нее. Она пожимает плечами: – У меня каникулы, делать все равно нечего. Почему бы не поехать с вами.

Ланни поворачивается ко мне, и по ее лицу ясно, как отчаянно она хочет, чтобы я согласилась. Но я все равно колеблюсь. Мне не хочется, чтобы дочь лишилась возможности поехать в колледж, но не нравится идея, что наша семья разделится. Особенно сейчас, когда мы в центре внимания.

Я не готова отпустить Ланни в этот мир одну. Но знаю, что в конце концов придется. Что ж, по крайней мере, сейчас за ней присмотрит Сэм. Я знаю, он защитит ее даже ценой собственной жизни.

Надеюсь, до такого не дойдет.

* * *

Мои дети – профи по части сборов, так что на следующее утро мы спозаранку готовы к отъезду. За кружкой кофе я проверяю степень подготовленности Ланни, описывая ей разные ситуации и спрашивая, что бы она делала в таком случае. Она закатывает глаза, но отвечает. Мысль о том, что я научила ее постоять за себя, немного утешает.

Но еще больше утешает, что с ней едет Сэм.

– Ты точно уверена? – спрашивает он, когда мы останавливаемся в дверях гаража и Ланни закидывает сумку в багажник. Коннор и Ви уже побросали свои вещи во внедорожник и теперь борются за место на переднем сиденье.

– Нет, – честно отвечаю я. Мне уже не по себе от мысли, что дочь окажется так далеко.

– Я буду постоянно держать тебя в курсе, – успокаивает Сэм.

– И фото пришлешь?

Он ухмыляется:

– И видео.

– Не забудьте держать джи-пи-эс включенным.

– Я позабочусь о Ланни, – обещает Сэм.

– Знаю.

Он прижимает меня и целует. Я замираю, желая, чтобы это продолжалось подольше.

Затем настает очередь Ланни прощаться. Она подсакивает и быстро обнимает меня. Я сжимаю ее так крепко, что она начинает вырываться.

– Это всего на несколько дней, – напоминает дочь.

Все равно слишком долго.

– Всегда оглядывайся по сторонам, – наставляю я. – И не принимай ни от кого выпивку. Доверяй интуиции. Если чувствуешь что-то не то, сразу уходи.

Дочь бросает на меня испепеляющий взгляд, на который способна только семнадцатилетняя девушка.

– Знаешь, большинство мам просто говорят: «Пока, люблю тебя, повеселись».

– Я не большинство мам.

Она закатывает глаза:

– Да уж.

Я кладу руки ей на плечи:

– Можешь звонить когда угодно. По любому поводу.

– Я тоже люблю тебя, мама.

Ланни выворачивается из моих объятий, обходит пикап и садится впереди. Сэм уже за рулем и заводит мотор. Я со вздохом забираюсь во внедорожник. Ви выиграла битву за переднее сиденье, Коннор развалился сзади.

Сэм нажимает на пульт дистанционного управления, чтобы открыть дверь гаража, и мы выезжаем один за другим, сворачивая в разные стороны. Мы надеемся, что внезапный двойной выезд удивит репортеров, и они не погонятся за нами. Хотя мы оба знаем, как избавиться от «хвоста», и не слишком беспокоимся, что журналисты пронюхают, куда мы едем.

Путь до Гардени несложный, но иногда бывает немного утомительно плестись в очереди за огромными фурами на двухполосных горных дорогах. Я собиралась приехать в город пораньше, оставить Ви и Коннора в мотеле, привести себя в порядок и отправиться на встречу с родителями пропавшей девочки. Но чем ближе мы подъезжаем, тем больше мне не хочется оставлять детей вдвоем, особенно без машины. Поэтому я решаю взять их с собой. Кроме того,

в мотеле Коннор только и делал бы, что читал, а Ви спала. С таким же успехом они могут заниматься этим в машине.

Без труда нахожу нужный дом и паркуюсь рядом. Поворачиваюсь так, чтобы одновременно видеть Ви на переднем сиденье и Коннора на заднем.

– Ничего, если я оставлю вас здесь?

Коннор закатывает глаза:

– Уверен, мы сумеем немного посидеть в машине, не влипнув в неприятности.

Ви пожимает плечами:

– Ну, не знаю... Если миз Пи оставит нам ключи, мы что-нибудь придумаем. Как насчет дрег-рейсинга¹²?

Главная проблема Ви в том, что я в девяносто девяти процентах случаев понимаю, когда она шутит. Но остается небольшая вероятность, что она говорит всерьез.

– Никаких дрег-рейсингов, – отвечаю я, выбираясь из машины и оставляя ключи в замке зажигания. – На этой тачке ты все равно проиграешь.

– С тобой такая скукота, – дуется Ви.

– Давай так: ты обещаешь обойтись без дрег-рейсинга, а я принесу гамбургеры и мороженое? – предлагаю сделку.

– Увы, я только что стала вегетарианкой, – вздыхает она.

– Тогда для тебя салат. – Я смотрю на Коннора. Мороженое – одна из его слабостей. – А ты согласен?

Он пожимает плечами, не в силах скрыть предвкушающий блеск в глазах:

– Да, пожалуй.

Пусть небольшая победа, но я и этому рада.

Разворачиваюсь и начинаю подниматься по дорожке к дому, рассматривая его. Дом прекрасный. Похоже, начала двадцатого века. Потом несколько раз перестраивался, не теряя своего очарования. В хорошем состоянии, свежестыряженный, с ухоженным садом. Интересно, это дело рук мистера и миссис Ларсон или их садовника? Учитывая размеры и вид других домов с палисадниками на этой улице, скорее последнее. Наверное, так проще жить: снаружи все как раньше, а внутренний мир хозяев медленно превращается в руины из-за пропажи дочери.

Стучу в дверь. Через минуту мне открывают сразу двое. Оба выглядят совершенно разбитыми, и я сразу понимаю: передо мной родители Джульетты. Это ясно по опущенным плечам, усталым глазам, тревожным морщинкам у рта. Боль так явно ощущается в каждой их клеточке, что у меня перехватывает дыхание.

Представляюсь, протягиваю удостоверение и пожимаю им руки. Они приглашают меня в дом. Переступая порог, оглядываюсь на Коннора и Ви. От одной мысли, что кто-то из них может пропасть, по моему телу пробегает дрожь, а глубоко изнутри его пронизывает боль.

Невозможно расследовать дело о пропавшем человеке без того, чтобы страх и паранойя не проникли в твою собственную жизнь. Стыскаю зубы и напоминаю себе: мои дети в безопасности. Мы в безопасности. И я сделаю все, чтобы так и оставалось.

¹² Дрег-рейсинг – парные гонки различных колесных средств передвижения (прежде всего автомобилей) на сверхкороткие дистанции.

5 Ви

Говорят, рыбак рыбака видит издалека. И наоборот: сразу понимаешь, когда перед тобой человек из другого мира. Именно это я чувствую при виде приближающейся девушки. Как непринужденно она подходит к машине и прислоняется к ней... На улице почти девяносто градусов¹³, и я точно знаю, что металлическая дверца раскалена, но девушка даже не морщится. Интересно, ей что – нравится боль?

Или она выделяется? Как будто это произведет на меня впечатление. Или у нее все-таки получилось? Я еще не уверена, но точно знаю: рядом с ней я чувствую себя не в своей тарелке. Ведь сама я – что скрывать – из отбросов.

А эта девушка – совсем другое дело: в ней чувствуются деньги и лоск. Это видно по гладкому блеску ее темных волос и длинным ногам, на которых ни царапин, ни синяков. У меня и дня не проходит без нового синяка или пореза. Просто невозможно жить без мелких стычек с окружающим миром.

Я не доверяю девушкам с идеальным маникюром и макияжем, который не течет даже в жаркий полдень. И поэтому не доверяю девушке, заглядывающей в окно со стороны водителя.

– Что надо? – спрашиваю ее. Получается грубо, как я и рассчитывала. Девушка немного пугает меня, и я не хочу, чтобы она это поняла. Она из тех, кто бросается на слабого, как кот на мышь.

– Вы к Ларсонам? – отвечает она вопросом на вопрос.

– А тебе какое дело?

Девушка вздрагивает от моего тона, но не сдается:

– Понимаешь, она пропала. Девушка, которая там живет. Джульетта. Моя лучшая подруга.

Я замечаю, что она говорит о подруге в настоящем времени, и почти жалею девушку: она все еще надеется. Я собираюсь сказать ей об этом, когда Коннор высовывается с заднего сиденья и не слишком деликатно тычет в меня локтем.

– Мы знаем, – сочувственно произносит он. – Моя мать – частный детектив. Она приехала искать Джульетту.

Девушка бросает взгляд в сторону дома.

– Ларсоны наняли частного детектива? Что-то новенькое... – Она переключает внимание на Коннора. – Она профи?

– Лучшая в своем деле. Кстати, я Коннор. А это Ви, – он тычет пальцем в мою сторону. – Не обращай внимания, она не такая колючая, как выглядит. И как говорит. И как себя ведет.

Я сверлю его взглядом, бормоча под нос «придурак», но он только шире улыбается.

– Мэнди, – представляется девушка.

Коннор, похоже, вспомнил имя.

– Так это ты была с Джульеттой в тот день, когда она пропала...

Она слегка прищуривается:

– Откуда ты знаешь?

Он пожимает плечами:

– Читал ее дело по дороге сюда.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Ну конечно, он читал... Такой паинька – до мозга костей.

¹³ По Фаренгейту; ок. 32 градусов по Цельсию.

– А, ясно... – Мэнди скрещивает руки на груди и слегка вздрагивает. – Мне не очень хочется вспоминать тот день.

– Понимаю.

Коннор не собирается совать нос в чужие дела, а вот я слишком любопытна, чтобы промолчать. Наклоняюсь вперед – Коннор наполовину загораживает мне Мэнди – и спрашиваю:

– И что же тогда произошло?

Коннор набрасывается на меня.

– Она же сказала, что не хочет вспоминать, – шипит он.

Но меня так просто не остановишь.

– И что с того?

– Тебе не обязательно отвечать, – говорит Коннор девушке.

Я сильно щиплю его ладонь, чтобы ему точно стало больно.

– Сам говорил, что хочешь поиграть в детектива. Вот и начинай.

Коннор слегка краснеет.

– Я такого не говорил, – уверяет он Мэнди.

Она дергает плечом:

– Ничего страшного, я понимаю. Я уже привыкла быть девушкой, у которой пропала подруга. Люди всегда сразу об этом спрашивают.

Коннор напрягается. Это ему хорошо знакомо. Он всегда был сыном серийного убийцы, и я знаю, как он устал. И раз уж наша поездка должна стать передышкой от того дерьма, которое творилось дома, то я предлагаю:

– Хватит. Давайте договоримся прямо здесь и сейчас, что не будем вспоминать всякое дерьмо, которое случилось в нашей жизни.

Мэнди смеется:

– Тогда о чем нам говорить?

– Ну, например, где тут можно повеселиться? Пока этот городишко кажется чертовски скучным.

Мэнди смотрит так, что хочется выпрямиться и пригладить волосы. Вместо этого я сутулюсь, сверля ее сердитым взглядом. Она только улыбается:

– Вы здесь надолго?

– В каком смысле? Долго ли будем торчать возле этого дома? Вряд ли. Надолго ли в этом городишке? Кто знает...

Я не говорю ей, что наше пребывание здесь зависит не столько от расследования дела Джульетты, сколько от того, как быстро улягутся страсти после стрельбы в школе.

Мэнди ухмыляется:

– Ну, тогда наверняка еще потусим.

Она поворачивается и идет по дорожке к дому Ларсонов. Я замечаю, как она покачивает бедрами, и мне становится любопытно: она всегда так ходит или напоказ? Если второе, то для кого из нас предназначено шоу?

В воздухе все еще витает фруктовый аромат – похоже, от шампуня Мэнди. И, пожалуй, он мне нравится. И еще мне понравилось, как она морщила нос, улыбаясь.

– По-твоему, Мэнди хорошенькая? – спрашиваю Коннора.

Он открывает рот и тут же захлопывает, застигнутый врасплох внезапной сменой темы разговора. И пожимает плечами.

– Ну да. – Слегка краснеет, и это самый четкий ответ на мой вопрос. – А ты так не считаешь?

Она хорошенькая, но недоступная. Вроде тех дорогих магазинов, по которым меня таскала мать и грозила спустить шкуру, если я не буду все время держать руки в карманах. Хотя меня больше интересует не внешность Мэнди, а несостыковки в ней. Идеальный маникюр,

гладкие блестящие волосы... и старые потрепанные сандалии и выцветшая серая футболка. Все это как-то не вяжется друг с другом, и я хочу знать почему.

– И какова ее роль? – спрашиваю Коннора вместо ответа на его вопрос.

– В чем?

– В том, что случилось. Пропажа девушки и все такое. Какую роль в этом играет Мэнди?

– О, теперь тебе интересно? – Тон Коннора становится надменным. Я дергаю плечом.

– Просто любопытно.

Он усмехается лукаво и понимающе:

– Странно, что тебе стало любопытно сразу после встречи с Мэнди. Втюрилась, Ви?

Вместо ответа я меряю его взглядом сверху донизу. Мои чувства не касаются никого, кроме меня, и уж Коннор-то должен знать, что не надо совать нос, куда не просят. Я выгибаю бровь.

– Хочешь поговорить о деле? Или лучше о том, что произошло вчера в школе?

Коннор вздрагивает, и дразнящие огоньки в его глазах исчезают – словно погасили свет. Я чувствую себя дерьмово, потому что это из-за меня. За свою жизнь он столкнулся с кучей дерьма, но как-то сумел не сломаться и не стать жестким и циничным. Не то что я.

Я не привыкла особо заботиться о других, но мне нравится Коннор, и он всегда хорошо ко мне относился. К тому же я понимаю, каково это – столько вынести.

Он начинает отодвигаться на заднее сиденье, и я останавливаю его, положив руку на плечо. Вспоминаю, как в свое время мечтала, чтобы кто-нибудь сделал для меня что-то хорошее, и говорю:

– Серьезно, Коннор. Ты как?

– Я в порядке.

Самый хреновый из всех возможных ответов.

– Люди, которые в порядке, не кричат во сне, – замечаю я.

Он хмурится, явно недовольный, что я слышала его прошлой ночью.

– Просто кошмар приснился.

Я фыркаю. Он хмурится еще сильнее.

На мгновение я узнаю в нем саму себя. Как он закрывается от всего мира в ожидании нового удара. Большую часть своей подростковой жизни я была именно такой, и знаю, как это тяжело.

Я не желаю ему такой участи. Заставляю себя немножко расслабиться и произношу: «Коннор». Только имя, ничего больше. Даю понять, что он несет чушь, и он это знает.

На секунду Коннор поднимает голову и смотрит мне в глаза. Это так тяжело – видеть в его взгляде боль и растерянность и не отворачиваться, не пытаться отгородиться.

– Просто... я видел, как Кевин это сделал. А я ведь знаю его. Мы были... мы остаемся... – Он проглатывает слово и качает головой. – Мы были друзьями.

Я киваю. Именно я нашла тело матери, когда ее застрелили из дробовика. У нас с ней были не лучшие отношения, но все равно она моя мать. Я помнила, как она обнимала меня маленькую и утешала, что все будет хорошо.

Знаю, что не могу ничего исправить – и никто не может. Но я могу посидеть рядом с Коннором, чтобы тот понял: он не один. Свешиваюсь через сиденье и глажу его по плечу, глядя в сторону. Коннор никак не реагирует, но проходит целых полминуты, пока он стряхивает мою ладонь. И я понимаю, что он взял себя в руки.

– Что ж, ты хотела узнать подробности? – Коннор явно хочет сменить тему, и меня это вполне устраивает.

– Выкладывай.

Он кивает, достает планшет, выводит на экран фотографию и показывает:

– Вот Джульетта Ларсон. Пропавшая девушка.

Рассматриваю фотографию. Джульетта очень симпатичная. Из тех, кто рождаются в маленьком городке, усердно, словно это настоящая работа, ищут в соцсетях советы, как правильно делать макияж, нацеливаются на самых популярных парней и, скорее всего, заполучают их. Участвуют во всех местных конкурсах красоты, усиленно готовятся и становятся образцовыми выпускницами, если только не совершат какую-нибудь глупость и не уронят себя в глазах других. В каждой школе есть шаблонные люди – шаблоны для того и существуют. Именно они помогают вам стать собой, выделиться из безымянной серой массы. Взять хоть меня. Одно время я была крутой тусовщицей, но потом стала сдерживаться. Нет ничего постыдного в том, чтобы быть как другие. Стыдно думать, что вырваться за рамки шаблона нельзя. По одному взгляду на фотографию Джульетты трудно понять, кем она станет: возможно, блестящей, уверенной в себе, гармоничной, успешной женщиной. Но не идеальной, потому что идеальных не бывает. Бывают реальные – такие, как я, как Коннор. Мы тоже еще растем.

– Ладно, так что случилось? – спрашиваю его.

Коннор вводит меня в курс дела, пересказывая в общих чертах показания подруг, Мэнди и Уиллы, о том дне, когда Джульетта исчезла. В основном день прошел скучновато: просто тусовались и болтались по городу, ища, чем себя занять. Хотя в основном подруги были предоставлены сами себе, их видели и прохожие, и проезжающие мимо автомобилисты, и люди из окон домов. Достаточно много очевидцев, чтобы подтвердить большую часть их рассказа.

– После обеда они решили отправиться в лес. Там есть какой-то старый заброшенный дом, который местные ребята называют Угрюмой хибарой, – это название Коннор произносит подчеркнуто иронически. – Они немного потусили там, а потом вернулись на шоссе и направились в город. Именно тогда парень в пикапе увидел их и остановился. Они с Джульеттой, похоже, знали друг друга. Она решила уехать с ним. Больше ее никто не видел.

– А что говорит тот парень?

– Его так и не нашли. Копы проверили все похожие по цвету и модели машины, какие только смогли. Но проблема в том, что он мог быть не из местных и уехал далеко. И его, возможно, никогда не найдут.

– Уилла и Мэнди его не узнали?

Коннор качает головой:

– Нет.

Я хмурюсь. Все девушки что-то скрывают – видит бог, у меня целая куча секретов, – но на то есть веские причины. Я храню секреты, потому что не люблю, когда другие все знают обо мне и пытаются указывать, что мне делать. А вот почему Джульетта скрывала этого парня от обеих лучших подруг? Значит, он из тех, с кем можно легко влипнуть в неприятности...

– Она могла свалить куда-нибудь с этим чуваком, как в idiotских любовных романах, – замечаю я.

Коннор пожимает плечами:

– Может, хотя вряд ли. Родители рассказали, как однажды Джульетта ушла из дома, но оставила записку, чтобы они не волновались, если не найдут дочь в ее комнате. Она, скорее всего, не сбежала бы, не предупредив родителей, что с ней все в порядке.

Я упираюсь ногами в приборную панель и барабаню пальцами по коленке, обдумывая услышанное.

– Что произошло в Угрюмой хибаре?

– Ничего. Они просто походили туда-сюда, потусовались и ушли.

Я фыркаю:

– Никто не потащится искать развалюху в лесу просто потусоваться и свалить. Они наверняка что-то скрывают.

– Думаешь?

– Да уж поверь. Я точно знаю, потому что и сама лазила по лесам. Они явно не все рассказали.

Кажется, Коннор не верит мне.

Поворачиваюсь к нему:

– Разве у вас не было какой-нибудь фигни в лесу – там, где вы выросли?

– Мы выросли в Уичито. Вокруг дома не было никаких лесов. А когда отца разоблачили, мне было всего семь.

Я закатываю глаза:

– Ну а потом? В Стиллхаус-Лейк? Только не говори, что в лесах возле вашего дома ничего не было. И что ты ни разу не ходил на разведку.

– Чтобы у мамы случился сердечный приступ, когда она не найдет нас?

В его словах есть логика. Гвен держит детей на коротком поводке. И не без причин. Ее можно понять. Но из-за этого ее дети ни разу не решились пойти гулять сами по себе. Обидно за них. Одно из моих лучших детских воспоминаний – как я заблудилась в лесу рядом с домом и придумывала всякие истории, чтобы подбодрить себя.

Я решаю сменить тему:

– Значит, эти девушки – Мэнди и Уилла – просто пошли домой?

– Ага.

– Их кто-нибудь видел по дороге?

Коннор хмурится и кликает по файлам в планшете.

– Насколько помню, нет. Но их сто раз допрашивали, и многое я бегло прочитал.

– Кто-нибудь из них потом писал Джульетте или звонил?

Коннор снова смотрит в планшет:

– Да. Обе и писали и звонили.

– И никаких зацепок?

– Никаких, – подтверждает Коннор.

Я киваю. Вспоминаю фото Джульетты, уверенно смотрящей в камеру с натренированной загадочной улыбкой на лице. Я не дура и понимаю: скорее всего, ее давно нет в живых. Во всяком случае, большинство думают так.

Но я не могу забыть двух девочек, которых мы нашли запертыми в подвале дома того старого адвоката в Вулфхантере. Они пропали так давно, что их перестали искать. А если с Джульеттой то же самое? Что, если ее держат где-нибудь в подвале на цепи, пока она не надоест похитителю и он не подыщет себе новую жертву?

Ее нужно найти.

6 Гвен

Отца Джульетты зовут Клифф, мать – Пэтти. Разглядываю их, идя вслед за ними по дому. Ему около сорока. Пузатый, с большими мозолистыми ладонями, наводящими на мысль: он много работает руками на воздухе. Хотя вид при этом бледный. И усталый.

Его жена не производит особого впечатления – опущенные глаза, ничего примечательного. Внешность самая заурядная, без изюминки. Даже каштановые волосы кажутся какими-то пыльными. Хотя, наверное, раньше она выглядела шикарнее, судя по дизайнерскому трико для йоги, которое теперь висит на ней как тряпка: внешний вид явно заботит Пэтти меньше всего. И я ее понимаю.

Хозяева ведут меня через гостиную, оформленную со вкусом, но довольно стандартно – словно скопированную из какого-то журнала. Ничего своего, особенного, кроме одной стены – что-то вроде алтаря, посвященного дочери.

Над камином огромный портрет Джульетты, вся каминная полка уставлена ее фотографиями. На них Джульетта просто красавица и выглядит безукоризненно, словно модель с обложки подростковой версии «Вог». Не представляю, что за совершенная комбинация генов породила лицо с такими идеальными пропорциями. Оно просто излучает сияние, заметное даже при тусклом свете.

Клифф и Пэтти, даже не взглянув на стену, быстро проходят через гостиную и столовую на кухню. Оттуда не видно ни портретов, ни фотографий. Может быть, родителям не хочется, чтобы дочь смотрела на них... Или на меня.

Оглядываюсь по сторонам, разглядывая кухню. Она яркая, современная, со светло-серыми шкафами, сверкающими гранитными столешницами и кухонными принадлежностями из нержавеющей стали. Все безупречно: ни отпечатка пальца, ни пятнышка. Сажусь и делаю глубокий вдох. В этом доме никто не готовит, здесь вообще не пахнет едой. Наверное, им приносят поесть соседи из сострадания, или Ларсоны сами что-то заказывают, когда находят в себе силы. Судя по заострившимся щекам Пэтти, это происходит не слишком часто.

Хозяева жестом приглашают к круглому деревянному столу в обеденном уголке возле кухни. Мы усаживаемся. В центре стола – стопка папок, тонкий ноутбук и мобильник. Клифф поддвигает все ко мне.

– Мы хотим вам помочь. Здесь копия ее дневника и другие бумаги, которые мы нашли у нее в комнате, – записки и всякое такое. Еще мы скопировали информацию с ее ноутбука и сделали резервную копию с ее мобильного на новый телефон. Пароль простой – один-два-три-четыре-пять-шесть.

Клифф берет мобильник, чтобы показать мне, и на заблокированном экране появляется фотография Джульетты с ее ровесницами. Отец морщится и кладет телефон на стол экраном вниз.

Вряд ли там есть что-то, чего я не знаю. Как только я согласилась взяться за дело, Джи Би прислала мне все материалы, включая файлы из ноутбука и телефона Джульетты. Но я все равно ценю стремление родителей помочь. Отодвигаю папки в сторону. Посмотрю их потом: вдруг в моих материалах чего-то не хватает...

– Спасибо, – благодарю я. – Это может пригодиться. Но сразу скажу, что я ознакомилась со всей информацией, к которой у нас есть доступ, – а ее очень много. И буду с вами открыта, мистер и миссис Ларсон: у меня нет ощущения, что полиция, ФБР или Бюро расследований Северной Каролины многое упустили, если вообще что-то упустили. Судя по всему, они

провели тщательное следствие. Я могу проверить все еще раз и попытаться найти то, что они могли не заметить. Однако вы должны быть готовы к тому, что результата не будет.

Оба кивают. Мать Джульетты так и не проронила ни слова. Зато отец подает голос:

– Да, мы понимаем, но нужно хотя бы попытаться. Вам удалось найти того похищенного сектантами мальчика, когда все остальные уже махнули на него рукой. Вы обязательно найдете нашу девочку.

Сейчас совсем другое дело, но я не могу сказать об этом вслух. Тогда никто даже не расследовал исчезновение парня, и мне просто повезло, что он оказался еще жив, когда мы его нашли. А к пропаже Джульетты подключились и пресса, и полиция, и ФБР.

Оба родителя держатся довольно замкнуто, словно оцепенев. Но когда после долгого молчания мать поднимает голову, я поражена выражением ее светло-карих глаз. В них сплошное страдание и мольба, чтобы все закончилось.

Инстинктивно тянусь к Пэтти и беру за руку. Она глубоко всхлипывает, но по-прежнему молчит. Наверное, не может выразить словами свои чувства. В ее душе настоящий ад, и единственный выход – моя только что протянутая рука.

Наконец она спрашивает:

– У вас есть дети, миз Проктор?

– Да. Дочери семнадцать, сыну пятнадцать.

Уголок ее рта слегка приподнимается. Не от улыбки, а от мысли, что у меня ребенок того же возраста, что и у нее.

Она опускает взгляд на наши все еще соединенные руки.

– Знаете, до рождения Джульетты было так странно ощущать, что внутри меня бьется еще одно сердце. Я клялась, что чувствую это, хотя врачи говорили, что у меня просто разыгралось воображение. Но я точно знала, что ее крошечное сердечко трепещет где-то глубоко во мне. И знала, что, если когда-нибудь оно перестанет биться – до ее рождения или после, я тоже это почувствую. Мир просто внезапно погрузится в тишину.

Она снова смотрит мне в глаза:

– Как думаете, вы бы почувствовали, если б что-то случилось с кем-то из ваших детей? Если б кто-то из них...

Она замолкает, не в силах договорить, будто это смертный приговор.

Я не отвечаю. Это и не нужно.

– Я все еще чувствую ее сердце, миз Проктор... – Ее голос охрип от многочасовых рыданий. – Моя малышка жива. Я точно знаю.

Умом я понимаю, что Пэтти никак не может знать, жива ли ее дочь. Но логика не имеет значения, когда речь идет о собственном ребенке. Я понимаю связь, о которой она говорит. Я сама чувствовала такое.

И теперь исчезновение Джульетты становится для меня личным делом. Я хочу найти ее не только ради денег или по долгу службы – это долг одной матери перед другой. Я не могу бросить эту женщину. Я ее последняя надежда, и нельзя лишать ее этой надежды.

– Сделаю все, что в моих силах, – торжественно обещаю ей, будто клянусь на Библии.

Знаю, это глупо. Шансы ничтожно малы. Мне не нравится быть тем последним шансом, на который вся надежда. У меня нехорошее предчувствие, что моя психика сильно пострадает при любом исходе дела. Но отказаться уже невозможно.

На леденящую долю секунды, забыв все наставления психолога, я вспоминаю, как сидела в запертой комнате рядом с женщиной с такой же нечеловеческой мукой в глазах. Как обнимала ее, пока она истекала кровью в мучительной агонии. Кто-то должен был быть с ней. Чувствую, как на меня накатывает сначала горячая волна, а потом холодный прилив тошноты. *Нет. Это в прошлом. Это совсем другое дело. Забудь.*

Пэтти сжимает мою ладонь, возвращая в настоящее.

– Спасибо, – шепчет она, убирает руку и вытирает глаза, прежде чем вздохнуть и изобразить вежливую улыбку. – А теперь могу я предложить вам чай со льдом?

Переход резкий, но, похоже, необходимый. Переключиться на привычное южное гостеприимство – единственный способ не рухнуть в бездну боли. Пэтти явно нужно побыть одной, чтобы прийти в себя, и я киваю.

– Было бы чудесно, спасибо.

Пока она достает из холодильника стаканы и кувшин, я вынимаю свои папки и блокнот. И беру свой телефон.

– Не возражаете, если я включу диктофон? Мне легче работать, когда не нужно записывать, и я могу сосредоточиться на вашем рассказе.

Я умалчиваю, что это к тому же позволяет мне сосредоточиться на людях, на их манере разговора. Сразу заметно, если они нервничают или путаются в показаниях.

Клифф кивает, а Пэтти ставит перед нами стаканы. Из вежливости делаю глоток и приступаю.

– Итак, – обращаюсь я к обоим, – расскажите, что произошло.

Знаю, что они повторяли эту историю тысячу раз и никогда не перестанут переживать ее заново. В этот момент я задумываюсь, насколько сильна до сих пор эмоциональная связь между словами и описываемым ими событием. Или теперь это просто слова?

– Утро было самым обычным, – начинает Пэтти. – Кажется, Джульетта встала немного пораньше, но, в общем, ничего особенного. Она собиралась встретиться с подругами, как почти каждый день.

– Какой у нее распорядок дня? Она принимает душ по утрам? Красится? Выбирает, что надеть?

Губы Пэтти подергиваются в отдаленном намеке на улыбку.

– Да уж, не приведи господь... Сорок пять минут на душ, еще тридцать на прическу. Она уделяет внимание каждой мелочи, понимаете? Заколки, очки от солнца, туфли, побрякушки... Всегда собирается так, будто сегодня у нее фотосессия для «Вог».

Конечно, я видела ее фотографии – тысячи селфи, и одиночные и групповые. Джульетта обожает «Инстаграм», «Вотсап» и «ТикТок». У федералов целая папка с ее снимками из соцсетей. Я бегло просмотрела их, но собираюсь привлечь Ви и Коннора. У Коннора одна точка зрения, у Ви другая.

– Она завтракала?

– Только апельсиновым соком, – отвечает Пэтти.

– Ей утром звонили? Присылали сообщения?

Пэтти закатывает глаза.

– Господи, да ей все время шлют. – Она издает звук, отдаленно напоминающий смех. – Наверное, не один десяток до того, как она вышла из дома.

– Кто ушел из дома первым?

Пэтти ненадолго замолкает: вопрос неожиданный.

– Клифф ушел на работу. А Джульетта – почти сразу после него, минут через пять.

– Пешком? На велосипеде? Или ее кто-то подвез?

– Пешком. Ей нужно было на другой конец улицы, встретиться с подругами.

Пока что показания не отличаются от тех, что я уже читала. Словно запись, повторяющаяся один в один.

Затем Пэтти добавляет:

– Я вытирала посуду. Потом подошла к двери. Джульетта прошла по улице и встретила с Мэнди и Уиллой. Сама не знаю, зачем я решила посмотреть. Просто так.

– Что-нибудь показалось вам странным? – продолжаю расспросы. – Девушки ни на кого не смотрели? Кто-нибудь вел себя необычно?

Она качает головой:

– Нет. Все как обычно. Они повернули за угол. А потом все вернулись домой, кроме Джульетты...

На мгновение ее глаза затуманиваются, и я знаю, что именно она представляет: как Джульетта выходит из-за угла в конце квартала, улыбается и возвращается в ее жизнь, словно никогда не исчезала. Эта фантазия помогает Пэтти не пасть духом. Но мне придется разрушить эту фантазию.

– Когда вы забеспокоились? Почему решили проверить, как она?

– Около четырех я послала ей сообщение, чтобы она забрала в аптеке лекарства для меня, – говорит Пэтти. – Она должна была вернуться домой не позднее семи, но не пришла, и я стала звонить ее подругам. И Мэнди, и Уилла ответили, что Джульетта бросила их и уехала с каким-то своим знакомым парнем примерно в полшестого. С тех пор они ее не видели.

В дверь осторожно стучат. Я вздрагиваю с опаской: вдруг это Коннор или Ви. Клифф встает, чтобы открыть. Когда он возвращается, за ним идет девушка лет пятнадцати-шестнадцати – с белой кожей, с длинными блестящими черными волосами, которые лежат так ровно, словно она их только что пригладила. Подростком я всегда завидовала таким волосам. Увидев меня, гостя нервно тербит пальцы.

– Ой, – говорит она. – Простите, не знала, что вы не одни...

– Это миз Проктор. – Пэтти берет девушку за руку и усаживает за стол. – Она приехала помочь нам найти Джульетту. Миз Проктор, это Мэнди Стрикленд, одна из лучших подруг Джульетты.

Конечно, я читала ее показания и собиралась поговорить с ней, как только появится возможность. По счастливой случайности она появилась здесь как раз тогда, когда мы говорили о ней.

– Привет, Мэнди. Как дела?

Девушка пожимает плечами, и становится еще заметнее, как она сутулится. Какой бы Мэнди ни была раньше, сейчас она выглядит подавленной. Это заметно даже по одежде: старая серая футболка, поношенные шорты, потертые кожаные сандалии. Никаких украшений на руках. Золотая цепочка на шее прячется за вырезом футболки.

Единственное, что бросается в глаза, – свежий маникюр и педикюр: лак отливает зеленым. Это заставляет меня присмотреться повнимательнее, и я замечаю еле заметный макияж вокруг глаз. Все это явно неспроста.

Клифф молча предлагает девушке чай со льдом, и она жадно пьет, сжимая стакан обеими руками.

– Мэнди время от времени заглядывает проведать нас, – Пэтти кивает и поглаживает гостью по плечу. – Мэнди, мы как раз говорили про тот день, когда пропала Джульетта. Ты не против еще раз вспомнить, как все было? Что тогда произошло?

Мэнди делает судорожный глоток, поспешно ставит стакан на стол – так что позвякивает лед – и сцепляет пальцы.

– Ну, мы встретились с Джульеттой на углу, как обычно, и ненадолго зашли в скейт-парк...

– Ты, Джульетта и Уилла? – перебиваю я. Она кивает.

– Вы все катаетесь? – спрашиваю ее. В показаниях упоминался скейт-парк, но ни слова о скейтах.

– Нет. Нам просто нравится смотреть, как парни катаются. Там в основном парни и еще пара девушек, которые не боятся синяков и ссадин. Ну, вы понимаете: спортсменки.

– Сколько вы там провели?

– Около часа.

Она методично ведет меня по пройденному ими маршруту, минута за минутой. Зашли в кафешку – попить. Пофлиртовали с парнями на старой баскетбольной площадке. Спустились к реке после полудня.

– И тогда Джульетта захотела сводить нас в Угрюмую хибару. Ну, мы, вообще-то, и так знали, где она, просто... никогда не были внутри.

– Это старый дом Майлама, – поясняет Клифф. – Пустует уже лет двадцать. Все время ходят разговоры, что пора его снести – там всякое творится... Ну, вы понимаете: пьянки, секс, наркотики, вечеринки... Я сам за последние пару месяцев много раз хотел спалить его. Удержался только потому, что, может, там найдутся какие-то улики... Хотя одна.

– Очень может быть, – соглашаюсь я. – Хорошая мысль. Учту.

Он кивает. Я замечаю, как напряжены его спина и шея, и опять поворачиваюсь к Мэнди:

– Значит, вы отправились в Угрюмую хибару. Вы собирались там с кем-то встретиться?

– Нет, просто... Походили вокруг, потом зашли внутрь. – Мэнди передергивает. – Там так мерзко! Старые матрасы, везде пивные бутылки... Я видела дохлую птицу на чердаке. Джульетте это показалось забавным. Она выскочила из шкафа и напугала нас, а Уилла споткнулась о бутылку, упала и порезала руку. Я помогла ей вытащить осколки. Джульетта сказала, что ей нужно в аптеку за лекарствами для мамы, и мы ушли.

Я чувствую ее напряжение: Мэнди явно что-то недоговаривает. Сейчас не время давить, но нужно обязательно вернуться к этому разговору позже.

Делаю вид, что верю ей, и ободряюще улыбаюсь:

– А по какой дороге вы шли из леса?

Мэнди, похоже, чуть-чуть расслабилась.

– По старой тропинке вдоль реки мимо свалки, куда выбрасывают холодильники, морозильники и всякое такое. Там внизу старый ржавый контейнер.

Я видела фотографии. Конечно, там все прочесали не один десяток раз. Обычная загородная свалка. Запросто можно пораниться и подхватить заразу.

Мэнди продолжает: после свалки они по тропинке дошли до шоссе. К тому времени наступила уже почти половина шестого, а за городом в лесу обычно темнеет быстрее.

– Мы возвращались в город, когда на обочине перед нами остановился пикап.

– Можешь описать его?

Мэнди уже делала это много раз, но всегда как-то неопределенно. Я надеюсь, что со временем в ее памяти всплыло что-то конкретное.

– Старый. Вроде немного разбитый. Светлый... – Мэнди слегка краснеет и опускает взгляд на стол. – Знаю, это не слишком полезная информация. Честно говоря, я не обратила особого внимания на машину. Меня больше интересовал парень в ней.

– Расскажи о нем.

Она краснеет сильнее.

– Ну, такой... довольно симпатичный. Белый, примерно нашего возраста, может, на год-два старше. Короткая стрижка, так что трудно сказать, какого цвета волосы. Довольно загорелый – значит, много времени проводит на улице. Больше всего я запомнила его глаза – такие темно-синие, просто суперские.

Ничего странного, что Мэнди обратила внимание на симпатичного парня, не заметив остальное. Но все равно жаль, что она не вспомнила никаких новых деталей про пикап – это могло бы помочь расследованию. На сельском Юге старые потрепанные пикапы на каждом шагу.

– Ты раньше его видела?

Девушка качает головой:

– Нет. Такого я бы точно запомнила.

– Он что-нибудь говорил?

В ее глазах что-то мелькает.

– Мне и Уилле – нет. Он смотрел только на Джульетту.

– Значит, они были знакомы?

– Да, мэм. Он назвал ее по имени, и она заулыбалась.

– А Джульетта называла его по имени?

Мэнди снова качает головой:

– Только сказала нам, что поедет с ним. Мы спросили, может ли она попросить его подбросить нас до города, но, похоже, у них были свои планы, потому что он ответил «нет».

– А потом?

– Они уехали вместе. – Ее взгляд затуманивается, голос срывается. – Больше я ее не видела.

В глазах Пэтти я тоже замечаю слезы. Она берет девушку за руку и обнимает.

– Мне так жаль, миссис Ларсон, – всхлипывает Мэнди, уткнувшись ей в плечо. – Нельзя было отпускать ее с этим парнем, но я подумала, что они друзья и все будет хорошо...

– Ничего страшного, детка, – воркует Пэтти, успокаивающе поглаживая Мэнди по спине. – Мы знаем, что ты любишь Джульетту и никогда не сделала бы ей ничего плохого.

Я даю им прийти в себя и спрашиваю:

– У Джульетты есть бойфренд?

В материалах дела он не упоминался.

– Мы не разрешаем ей встречаться с парнями, пока не исполнится восемнадцать, – отвечает Клифф.

Что ж, неудивительно. Многие родители, особенно на Юге, строго относятся к общению дочек с противоположным полом. Хотя, конечно, запрет не означает, что у Джульетты на самом деле не было бойфренда.

– А ты, Мэнди, что скажешь? Джульетта когда-нибудь говорила про своего парня или что-то в этом роде?

Мэнди переводит взгляд на Пэтти, затем снова на меня:

– Нет, мэм.

– Если б она заинтересовалась парнем, то рассказала бы вам?

– Да, конечно, – Мэнди кивает, честно глядя мне прямо в глаза. – Она, Уилла и я – лучшие подруги. Мы рассказываем друг дружке все-все.

Иногда мой цинизм удивляет меня саму: сразу после этих слов я думаю, что на самом деле у всех есть секреты, даже от лучших подруг. Но незачем говорить об этом Мэнди. В конце концов сама поймет.

Девушка высвобождается из объятий Пэтти и вытирает глаза:

– Я могу еще чем-то помочь?

Я качаю головой:

– Нет, спасибо. Я свяжусь с тобой, если появятся вопросы. Если ты не против.

– Да, конечно. У вас есть мой мобильный?

Когда я говорю, что ее номер есть в деле, Мэнди отвечает: «Просто напишите, если понадобится» – и поворачивается к Пэтти:

– Можно я посижу в ее комнате?

Пэтти нежно и грустно кивает девушке и легонько проводит большим пальцем по ее заплаканной щеке.

– Конечно, милая. Можешь включить музыку, если хочешь.

Я провожаю Мэнди взглядом, пока она идет к лестнице и медленно поднимается по ней. Значит, комната Джульетты наверху. Я осмотрю ее, но не сейчас. Как только Мэнди оказывается за пределами слышимости, я спрашиваю:

– Она часто приходит?

– О да, – отвечает Пэтти. – Почти каждый день. А на этой неделе, когда начались осенние каникулы, – еще чаще. Ей кажется, что так она ближе к Джульетте. Иногда Мэнди приходит просто посидеть. Иногда слушает музыку или читает книги Джульетты, и мы говорим о ней. Честно говоря, Мэнди для нас настоящий дар небес. Иногда... – Она замолкает, уставившись на свои руки. – Иногда, когда я слышу ее там, наверху, мне кажется, что моя Джульетта вернулась.

Из глаз Пэтти льются слезы, и она даже не пытается их остановить. Они стекают по щекам и капают на стол.

Не представляю, как это мучительно: надеяться, что дочь вернулась, а потом снова и снова вспоминать, что ее нет. Интересно, понимает ли Мэнди хоть немного, как ее визиты влияют на Пэтти, которая опять и опять переживает то надежду, то отчаяние – и так по кругу? И это не прекращается даже сейчас, спустя месяцы после исчезновения Джульетты...

7

Гвен

Поговорив с родителями Джульетты, возвращаюсь к машине и обнаруживаю Коннора и Ви на заднем сиденье, склонившимися над планшетом. Когда я открываю дверцу, они едва поднимают взгляд, и это не радует: я всегда учила их реагировать на происходящее.

– Если б на моем месте оказался злоумышленник, вам была бы крышка, – отчитываю я обоих.

– Я же знаю, что это ты. – Коннор не отрывает глаз от планшета. – Видел, как ты выходила из дома.

– Как прошло? – Ви подается вперед.

Отчаяние Ларсонов еще давит на меня, словно стеганое одеяло.

– Не особо весело, – отвечаю ей. – Поехали. Найдем мотель, заселимся и поужинаем.

Ви перебирается с заднего сиденья на свое место впереди, упираясь ногами в приборную панель. Я как раз отъезжаю от дома Ларсонов, когда она спрашивает:

– Эта цыпочка, Мэнди, странная штука, ага?

Я жму на тормоз и поворачиваюсь к Ви.

– Ты что, говорила с ней?

– Она остановилась возле машины, когда шла к дому, – отвечает Коннор. – Спрашивала, не заблудились ли мы. Я ответил, что мы с тобой и что ты ищешь Джульетту.

Я слегка хмурюсь. При встрече Мэнди выглядела удивленной, как будто не ожидала меня увидеть.

– А она что сказала?

Ви пожимает плечами:

– Сказала, что, может, мы еще потусим вместе, если задержимся здесь надолго.

– Ну уж нет, – тут же осаживаю ее я.

– А если мы узнаем что-нибудь полезное? И это поможет найти пропавшую девушку?

– Ее зовут Джульетта. И ответ по-прежнему «нет».

– Но ты же разрешила нам помогать расследованию, – протестует Коннор.

– Да, помогать расследованию. А не тусить с одной из двух главных свидетельниц.

– Но мы могли бы поговорить с ней о том, что произошло...

– Я уже поговорила.

Ви скрещивает руки на груди:

– Ставлю двадцать долларов, что Мэнди не рассказала тебе обо всем, что было в тот день.

Она почти наверняка права и знает это. И продолжает напирать:

– Мэнди не будет полностью откровенна с тобой. Другое дело с нами, ровесниками. Разреши поговорить с ней и с Уиллой. Выяснить – может, они что-то скрывают... Ты ведь хочешь найти эту девушку?

– Я не готова рисковать вами ради этого.

– Рисковать? Ты же видела Мэнди. Она не опаснее котенка.

Я сверлю Ви взглядом:

– И снова ответ «нет». Вы можете помочь в расследовании, но только работая с документами и файлами. Собственно, я рассчитывала, что вы проверите их аккаунты в соцсетях: вдруг что-то бросится в глаза... Вы в силу своего возраста можете заметить то, чего не заметили другие.

– То есть нас ждет отстойное унылое дерьмо, – ворчит Ви.

– Иногда именно отстойное унылое дерьмо помогает раскрыть дело, – парирую я.

* * *

Я забронировала два смежных номера в единственном в городке мотеле, чтобы Ви могла решить, хочет ли она спать на второй кровати в моем номере или в номере Коннора. Она выбирает Коннора.

– Без обид, миз Пи, но ты старая и все такое. Я не хочу ложиться в восемь.

Я не напоминаю, что дома обычно ложусь как раз последней. Они уходят к себе смотреть телевизор, а я устраиваюсь на кровати с ноутбуком. Слушаю запись последней беседы и делаю пометки. Я перепроверю все файлы досье с предыдущими допросами, но вряд ли обнаружатся расхождения. Вообще наша главная надежда на то, что, посмотрев на дело свежим взглядом, мы сумеем обнаружить какие-то упущенные детали. Шансов немного, но если это поможет найти Джульетту, оно того стоит.

Телефон гудит: сообщение от Ланни. Стремглав бросаюсь к мобильнику. Сегодня я написала дочери несколько раз, но получила только краткие ответы, что она добралась до кампуса и зарегистрировалась в приемной комиссии. Сейчас Ланни отправила сообщение с фотографией, на которой обнимает за плечи другую девушку. Дочь, как обычно, в черном, хотя на этот раз на ней не только черное. Другая девушка – ее полная противоположность: вся с головы до ног в чем-то цветочно-пастельном.

Обычно при виде таких девушек Ланни закатывает глаза, но улыбка на лице дочери выглядит искренней.

Под снимком – подпись:

«Это моя соседка по комнате Хизер. Она потрясная. Два профильных предмета – психология и химия. Настоящая умница. Сегодня в одном таунхаусе вечеринка. Я собираюсь принимать выпивку от незнакомцев и напиваться до беспометства. Пока!»

Я резко выпрямляюсь, сердце бешено колотится. Уже собираюсь позвонить Ланни, когда приходит еще одно сообщение:

«Конечно, это просто шутка! Не волнуйся, я буду осторожна. Пока, люблю тебя!»

У меня руки чешутся ответить, что ей строго запрещается идти на вечеринку, но я знаю, что не могу. Ей почти восемнадцать – почти совершеннолетняя. Мне нужно научиться разрешить ей жить своей жизнью.

Хотя на самом деле мне хочется завернуть ее в пузырчатую пленку и оберегать от всего мира. И Коннора тоже.

Заставляю себя написать бодренький ответ: «Веселись, детка! И береги себя!»

Затем закрываю дверь, соединяющую мой номер с номером Коннора и Ви, чтобы приглушить звук телевизора, и звоню Сэму. Нужен человек, который может меня успокоить. Сэм отвечает после второго гудка.

– Почему дети так быстро взрослеют и хотят ходить на вечеринки, а не оставаться дома, где уютно и безопасно?

Он хихикает:

– Значит, Ланни тебе написала?

– Она уже собирается на студенческую вечеринку.

– Хочешь, чтобы я проследил за ней и убедился, что с ней все хорошо?

Сэм спрашивает полушутя, но я знаю: он так и сделает, если я скажу «да». И мне очень хочется сказать «да».

Но вместо этого я вздыхаю и нехотя бурчу «нет».

– Она хорошая девочка, – напоминает Сэм. – Ты правильно ее воспитала. Она понимает, что нужно быть осторожной.

– Да, знаю. Просто волнуюсь, что я так долго защищала ее от ужасов, которые натворил ее отец, и не вдолбила ей в голову, каким опасным может быть мир вокруг.

– Она знает, Гвен. Уж поверь, – убеждает он. – Мы говорили с ней об этом всю дорогу.

– И что она сказала?

– Что волнуется, потому что окажется там, где ее не знают. Где сможет познакомиться с новыми людьми, которые не знают, кто она и кто ее отец. Побывать обычным подростком.

От этих слов у меня разрывается сердце. Ненавижу Мэлвина за ту жизнь, какую он устроил моим детям.

– До тех пор, пока кто-то не погуглит ее фамилию, – замечаю я. Увы, такова суровая реальность нашего глобального мира. Хранить тайны практически невозможно.

– Ну, если ты об этом... – Сэм колеблется, подбирая слова. – Она зарегистрировалась как Ланта Кейд, под моей фамилией.

– А...

Даже не знаю, что именно я сейчас чувствую. Я рада, что Ланни воспринимает Сэма как очень близкого человека – настолько близкого, чтобы позаимствовать его фамилию. И ценю ее дальновидность: Ланни понимает, как рискованно называться настоящим именем. Весьма умный ход с ее стороны. Теперь она в большей безопасности, но вместе с тем у меня возникает ощущение, что она отдаляется от меня.

Я понимаю, что не так уж важно, какое имя она выбрала. В конце концов, за последние годы, находясь в бегах, мы не раз меняли имена.

Конечно, Сэм, хорошо зная меня, догадывается, о чем я думаю.

– Не надо искать в этом скрытый смысл. Она просто не хочет все выходные отвечать на вопросы о Мэлвине.

– Знаю, – бурчу я.

– С ней все будет в порядке. И не волнуйся; высадив ее, я припарковался и обошел вокруг общежития, в котором она остановилась, а еще проехал мимо дома, в котором сегодня вечеринка. Вход в общежитие по карте, и на моих глазах никто не распахивал дверь для незнакомцев. К тому же в кампусе надежная система видеонаблюдения.

Я признательна Сэму за то, что в плане безопасности детей он параноик не меньше меня и просто заиклен на этом. Он правда стал для них настоящим отцом. Слово в подтверждение моих мыслей Сэм тут же спрашивает:

– А как Коннор?

– Трудно сказать, – честно отвечаю я. – Ведет себя так, будто ничего и не случилось. Но, по крайней мере, хоть какая-то передышка от журналюг. Коннору не придется волноваться, что они будут ломиться к нему в дверь и донимать вопросами.

– Он больше ничего не рассказывал про стрельбу?

– Ни словечка. Я так и не решила, надо ли заставлять его говорить об этом, или ждать, пока он сам будет готов.

В последние дни сын все больше отдаляется от меня, и я чувствую себя потерянной. Ненавижу это чувство. Он словно становится чужим у меня на глазах.

Сэм на секунду задумывается, потом спрашивает:

– А что подсказывает твоя интуиция?

Я фыркаю:

– Без понятия. В последнее время я с ней не в ладах, иначе бы не разрешила Коннору водиться с Кевином.

– Не вини себя за Кевина, – говорит Сэм. – Никто из нас не мог это предвидеть.

– Знаю.

Звучит не слишком убедительно. На самом деле признаки были налицо: изменившееся поведение Коннора, его угрюмость. Я списывала это на обычные подростковые издержки роста.

Но было и то, чего я не замечала, – и это гложет меня больше всего. Если Коннор с Кевином ходили стрелять в лес, то, когда сын возвращался домой, от него должно было пахнуть порохом. А я должна была это заметить. И сразу понять: что-то не так.

Нельзя терять бдительность. Как раньше.

– Я помню себя подростком. И главное, что я запомнил: в этом возрасте всегда найдут способ получить желаемое. Коннор – подросток. Он пытается понять, кто он и каково его место в мире. Если б ты стала на него давить, то еще больше оттолкнула бы его.

– Но я бы защитила его.

– Гвен, ты не сможешь защищать их вечно. Рано или поздно им придется научиться защищаться самим.

– И это говорит человек, только что предложивший следить за собственной дочерью на вечеринке...

Сэм смеется:

– Я не говорю, что отпускать детей легко или что я готов к этому.

У него тот же первобытный инстинкт, что и у меня: защищать наших детей, и поэтому я люблю Сэма еще сильнее.

Я тяжело вздыхаю:

– Я просто не хочу, чтобы, повзрослев, они оказались лицом к лицу с этим миром. Во всяком случае, с тем миром, который их поджидает. Который уже нарисовал на их спинах мишени из-за того, кто их отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.